

Алексей Молокин

[припятъ — москва]
ТЕБЯ ЗДЕСЬ НЕ ЖДУТ,
СТАЛКЕР!

Алексей Молокин
Припять – Москва. Тебя
здесь не ждут, сталкер!
Серия «Апокалипсис-СТ»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6608620

Молокин, Алексей Припять – Москва. Тебя здесь не ждут, сталкер! : [фантастический роман] :

АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-083193-7

Аннотация

Сталкеры возвращаются из Зоны Отчуждения. В обычный мир, который они всегда считали своим домом. Конечно, вернуться удастся не всем. Кто-то погиб, а кто-то изменился настолько, что возвращение потеряло смысл. Но многие все-таки идут назад. Что там мурлыкал себе под нос Рэдрик Шухарт, сидя в «Боржче» после очередного похода в Зону? Не возвращайся, если не уверен? Вполне подходящая песенка!

Сталкеры стремятся в свои родные места, но приносят туда Зону. Потому, что у каждого из них есть эта самая «Зона внутри», от которой уже невозможно избавиться. Зона Отчуждения изменила их, они не «твари Зоны», но «люди Зоны», разумные существа, обладающие способностями, недоступными обычному человеку. У эволюции порой такие странные дороги!

Как вам понравится «Зона Отчуждения Москва»? Что? Вы здесь живете? Ну, что же, значит – судьба!

Содержание

Часть 1	5
Берет. Прелюдия к возвращению	5
Берет. Полустанок	9
Берет. Дорога бедных	13
Берет. Москва-мачеха	17
Берет. Москва, Нижний Шанхай	21
Берет. Ночной перегон	26
Берет. Лыткарино	28
Берет. Москва, «Дом у дороги»	32
Берет. Москва. Пока что человек	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Алексей Молокин
Припять – Москва. Тебя
здесь не ждут, сталкер!**

STALKER

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А.Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Часть 1

Оглянись на дом свой, сталкер¹

Берет. Прелюдия к возвращению

Когда-то он любил московское метро. Это было давно, в детстве, в те времена, когда колеса отстукивали на стыках «Nights On Broadway», песню «Bee Gees», уже тогда немодную, но ему она нравилась – он никогда не заморачивался модой, ни в детстве, ни потом. Отец ставил купленную за бешеные деньги у барыг на Неглинке виниловую пластинку на массивный блин самодельного проигрывателя, и маленький Берет, которого тогда звали совсем иначе, чувствовал, как где-то внутри него загораются огни чудесной страны, той, куда он когда-нибудь непременно поедет, хотя бы на том же метро. Ведь на метро нашего детства можно уехать очень далеко, правда? Жаль, что это возможно только в детстве... Отрывистый вагонный ритм и высокий вибрирующий голос, зовущий подняться вверх из московских подземных дворцов в пузырящуюся огнями, шипучую, как газировка, бродвейскую ночь. Было в этой мелодии некое обещание несбыточного, да, было...

А потом... потом много чего случилось... Он возвращался в Москву с войны, с одной, другой, третьей, и каждый раз это была другая Москва, почти чужая, но только почти, он все еще оставался мальчишкой с Мерзляковского переулка. Того самого, войти в который можно через квадратную дырку в почтамте, что на Новом Арбате. Возвращаясь, он искал свою Москву в арбатских двориках, там, где воздух настоян на кленовой горечи и золотое время медленно стекает за асфальт с пылающих закатом стекол верхних этажей старых домов. Спускался в метро и выходил на скучных окраинных станциях, они были новые, неглубокого залегания, почти стандартной архитектуры, и районы тоже были пусть незнакомые, но тоже скучные и одинаковые. А вот на Бродвей он так ни разу и не попал, хотя втайне для себя верил в это. Понемногу он потерял детскую веру в Бродвей, а потом и в Москву. Хотя что-то, конечно, осталось... Фантомные боли в душе, фантомная вера... Он снова уходил на ненужные ему войны, убеждая себя, что делает это ради денег, и понимая, что поступает неправильно, да еще и врет себе. А это уж вообще последнее дело. Наконец, он ушел в Зону Отчуждения, туда, где звучала совсем другая музыка, ушел, когда его Москвы не стало совсем, не дождалась его Москва с очередной войны, а чего он, собственно, хотел? Города – как женщины, они не могут ждать вечно...

Сорок лет – это еще не старость, но и не молодость, такая вот банальная истина. Он ушел потому, что места в новой Москве, целлюлитной от денег, но молодящейся, ставшей совсем чужой, ему не нашлось. Где ты шлялся, отставной морпех, сталкер без Зоны, где тебя носило, ты поздно пришел, тебя долго ждали, но не дождались, так что ты сам во всем виноват. А теперь посмотри на дом свой и уходи с миром, в твоём доме давно живут другие, и они тоже считают себя москвичами, да они теперь и есть настоящие москвичи. А акцент – что акцент, через десять лет здесь все так будут разговаривать, и странно будет звучать на Арбате акающий московский говорок. Если к тому времени останется кто-то из тех, давних, прошлых москвичей. Истинных.

Он вернулся из Зоны Отчуждения в Москву, когда-то родной, а теперь проклятый город, как он всерьез считал, вернулся калекой, нищим – никем. Ему долго везло, войны отпускали его живым и почти невредимым, и он уверовал, что так будет всегда. А вот Зона не

---

¹ Отсылка к роману Томаса Вулфа «Взгляни на дом свой, Ангел».

отпустила. Зона-матушка щадила его все года, пока он, как и другие сталкеры, охотился за ее секретами, а по сути дела, мародерствовал, брал то, что ему не принадлежало, да и вообще не было предназначено для людей. Но люди этого хотели, за это платили немалые деньги, а за то, чего не хотят, денег не платят. И он ползал по аномалиям буквально на четвереньках, неумело молясь всемогущим богам Зоны, выковыривая из кошмаров аномалий артефакты, которые через торговцев и посредников уходили на Большую Землю. Он не думал о том, что Зона с его помощью понемногу просачивается во внешний мир, по каплям, каждый артефакт – маленькая едкая капелька, будь то излечивающий почти все болезни «пузырь» или простая «батарея». И почти все, что выносили сталкеры из Зоны Отчуждения, так или иначе проходило через Москву, а многое там, в Москве, и оставалось. Еще бы! Ведь Москва – самый богатый и самый жадный город планеты, разве она свое упустила? Да никогда!

Все сталкеры мечтают когда-нибудь вернуться. Кто куда, кто в Москву, кто в Киев, а кто в какой-нибудь богом забытый Ковров, Гороховец или Воткинск. Домой. Зона словно море стачивает острые грани воспоминаний, и родные места кажутся теплыми и гладкими, словно хорошо обкатанная галька. Мечтают даже те, кого Зона взяла в себя, растворила. Мечтают те, кого Зона признала. Даже зомби, пока их мозги окончательно не сгнили, и те мечтают вернуться. Только вот возвращаются не все, кого-то Зона убивает, иногда сама, а чаще человеческими руками. Есть в Зоне и такие, кто пришел именно убивать, в надежде, что Зона все спишет. Как правило, убийцы живут ровно столько, сколько нужно Зоне, а потом умирают, чтобы уступить место новым убийцам, благо, порченого человеческого материала хватает.

Но даже те, кому повезло, те, кто выбрался из Зоны Отчуждения и вернулся домой, несут Зону в себе, не ведая, что в своих городах именно они являются посланцами Зоны, живыми артефактами, потому что сталкеров бывших не бывает. Та самая «Зона внутри», о которой когда-то пел Звонарь².

Он помнил, как уходил из Зоны Отчуждения. В баре «100 рентген» состоялась грандиозная отвальная с водкой «Казаки» и шашлыками из псевдосвиньи, а потом в бар вошла Ночка, рыжая чернобыльская ведьма-контрабандистка, стройная, несмотря на меховой комбинезон, круглолицая, с развитыми плечами и крупными кистями рук бывшей гимнастки, и сказала, что пора и больше она ждать не намерена. И он попрощался с товарищами и нетвердой походкой двинулся за ней к ее раскрашенному ржавыми камуфляжными пятнами – в цвет чернобыльского неба – мотодельтаплану и даже, как помнилось, пытался ухаживать, то есть затащить в какое-нибудь укромное местечко, но получил локтем в солнечное сплетение и не то чтобы протрезвел, но одумался.

– Пристегнись, – коротко бросила рыжая ведьма. – И не вздумай меня в полете лапать, придурок! Пулю схлопочешь только так, или, чего доброго, навернемся, а тебе это надо? Мне – нет.

Берету это было тоже не надо, и он, путаясь в ремнях, пристегнулся.

– Ты, девочка, того, не очень выделывайся, – пьяно пробормотал он, – может быть, я на тебе еще женюсь...

Ночка фыркнула, натянула кожаный шлем, надвинула очки, став похожей на пилота какого-нибудь «фармана» или «фоккера» времен Первой мировой, и включила двигатель. Винт за спиной заклохтал, замолотил ночной воздух, набрал обороты, потом загудел ровно и мощно, и они взлетели. «Совушка», как ласково называла Ночка свой аппарат, набирала высоту медленно, все-таки электрический движок, работающий от «батареек», был слабоват, чтобы нести двоих да еще в придачу и рюкзак с хабаром. Ради случайного пассажира Ночка не собиралась отказываться от привычного заработка, ничего, «Совушка» вытянет, тем более

---

² Лешка Звонарь «Блюз 100 рентген» (АСТ, 2010).

что ночь тихая, до очередного выброса далеко, а небесных монстров в Зоне до сих пор не встречалось. Одни вороны да вертолеты федералов, но и те, и другие, как правило, по ночам отсиживаются на земле.

В Зоне не летают по прямой. Полет над Зоной – особое искусство, потому что если и существуют какие-то карты воздушных аномалий, то, во-первых, достоверность их оставляет желать лучшего, во-вторых, имеются они только у федералов, которые делятся столь ценной информацией с контрабандистами отнюдь не собираются, а в-третьих – после выброса аномалии меняют свои места. Они и в обычное-то время ползают по Зоне, словно какие-то чудовищные морские звезды по океанскому дну, так что какие уж тут карты! Кроме того, индикатор аномалий в полете практически бесполезен, пока он что-то покажет – ты уже влетел в какую-нибудь пакость, ну а дальше понятно что... А вот Ночка летала, было у нее воистину ведьмовское чутье, позволяющее ей скользить с крыла на крыло, обходя гравитационные ловушки, прижимаясь, где надо, к кронам скрученных выбросами деревьев, лоя мягкими крыльями своей «Совушки» восходящие потоки, поднимающиеся от «жарок» и «разломов». С Зоной нельзя договориться, но можно вести себя правильно, то есть так, чтобы Зона-матушка тебя терпела и до поры до времени не трогала. Ночка вела себя правильно. А Берет не без оснований полагал, что вовремя просек момент, когда Зона перестанет его терпеть, и теперь веселый и хмельной возвращался на Большую Землю.

Они порхали над Зоной уже с полчаса. Встречный ветер напрочь выдул из него хмель, а заодно и нестойкое, пьяное веселье, и он попытался рассмотреть, что там внизу. Глаза слезились – вторых очков у проклятой ведьмы, конечно же, не оказалось, а может, она просто разозлилась на сталкера. Обиделась.

«Нашла на что обижаться, – подумал Берет, – ишь, разборчивая какая! Сказано же тем же Лешкой Звонарем, мир его песням, что любить надо тех, кто уже оттуда, а не тех, кто еще туда³. Вот я и есть уже почти что оттуда, почему бы меня и не полюбить немного?»

Впрочем, среди сталкеров Ночка действительно слыла разборчивой особой, и даже более того – недотрогой. В смысле, тронь – костей не соберешь!

Ночка тоже когда-нибудь собиралась вернуться. Вернуться в Москву, хотя коренной москвичкой не была. Ночка берегла себя для Москвы и большого мира, в душе оставаясь провинциальной девчонкой из тех, кого неудержимо манит яркая мишура столицы. Только вот бездумным мотыльком она никак считаться не могла, Совушка она и есть Совушка, маленькая – но хищница. И в Москву она намеревалась вернуться только тогда, когда накопит достаточное количество денег, чтобы чувствовать себя независимой и свободной. Будут деньги – и мир распахнется перед ней, словно карта мира в школьном учебнике географии, словно бабочка с синими, зелеными и золотыми узорами на крыльях. И станет она, как раньше, Светланой. Светкой Рыжей, но это не для всех, а только для друзей. А пока что можно и потерпеть. Потерпеть страшно пахнущих Зоной и смертью сталкеров, жадных торгашей с липкими, невымытыми глазами, потерпеть вечно взвинченных бандюков, которые тоже не пренебрегали услугами чернойбыльской ведьмы. Она была хорошим пилотом, она была удачлива, и ради этого ее не трогали, как пилот она была нужнее, чем как женщина, потому что всегда доставляла хабар по адресу, а хабар – это деньги, это другая жизнь там, на Большой Земле, за периметром, это даже не просто другая жизнь, это – настоящая жизнь. Даже бандюки, и те считали, что жизнь настанет потом, там, за периметром Зоны Отчуждения. В этом все люди Зоны были одинаковы. Можно потерпеть, а там... Большинство из них так и не смогло понять, что такое «Зона внутри».

«Совушка» медленно карабкалась вверх, внизу было полным-полно аномалий, далеко впереди чуткими пальцами слепцов шарили по ржавому небу прожектора федералов. Лучи

---

³ Лешка Звонарь «Девочка на Кордоне».

скрещивались и расходились, словно что-то передавали из рук в руки, потом внезапно падали на землю, выхватывая ломти ночной Зоны, перевитые колючей проволокой, изрытые воронками от мин и снарядов. Боеприпасов федералы не жалели, добросовестно перепихивая контрольную полосу при малейшем признаке движения.

Неожиданно «Совушка» резко ушла вбок, видно, рыжая ведьма что-то почуяла своим нечеловеческим чутьем, но почуяла поздно, потому что впереди громко треснуло, сверкнуло, и слепящая сетка мгновенно соткалась вокруг дельтаплана. Аппарат трянуло, но несильно, искрящиеся голубые разряды засияли на кончиках крыльев – вспыхнули и погасли. И наступила тишина. Страшная это штука – тишина в полете. Слышно было только, как шелестит и посвистывает воздух, нехотя раскручивая бесполезный пропеллер. Подсвеченный прожекторами горизонт качнулся и пополз вверх. Они снижались, и – даже на взгляд сталкера – слишком быстро.

Ночка выбросила что-то в темноту, сталкер не сразу сообразил что, а потом понял – мешок с хабаром.

«Хреновые дела, – подумал он, – совсем хреновые дела...»

Девушка повернулась к нему, сейчас она и в самом деле была похожа на ведьму, стрекоты глаза в очках и оскаленный рот на резко очерченном белом лице.

– Бросай все лишнее, – крикнула она, – бросай, сталкер, если жить хочешь.

Берет потянул из кобуры ТТ, единственное оружие, которое у него было, и пистолет канул вниз.

– Еще!

Сталкер снял разгрузку с контейнерами для артефактов, и сотня тысяч неполученных зеленых отправилась вслед за пистолетом.

– Впереди разлом, если хватит высоты – поймем поток, подскочим, а там, глядишь, и дотянем до поляны. Я на ней уже сто раз садилась, отремонтируемся и дальше полетим. Здесь садиться нельзя...

Впереди внизу багровыми трещинами светился разлом. Далеко.

«Нет, не дотянем, – как-то спокойно подумал Берет. – Вдвоем никак не дотянем...»

– И на кой хер мне этот героизм, – бормотал он, торопливо расстегивая привязные ремни, – на хер он мне сдался! Неправильно все-таки меня мама с папой воспитали... В следующий раз непременно женюсь, – крикнул он, валясь вбок с узкого сиденья, – или просто...

И ухнул вниз.

Берет. Полустанок

Сталкер лежал на чем-то твердом и учился дышать. Нормально дышать пока что не получалось, легкие словно слиплись, отказываясь качать воздух как надо. Удавались только болезненные, мелкие вдохи-выдохи, но этого было достаточно, чтобы не умереть.

«Живой, – удивленно подумал Берет, – надо же, живой! Вот только надолго ли?»

Он повернул голову – получилось – и зашаркал пальцами по груди, пытаясь отыскать аптечку. Потом вспомнил, что аптечка осталась в разгрузке, которую он спустил за борт, и бросил это занятие. Снова закрыл глаза и осторожно вдохнул. На этот раз вдох получился, хотя болели легкие немилосердно.

– Раздышусь понемногу, – сам себе сказал он, – а потом потихоньку пойду. Надо смазываться, пока меня никто не сожрал. Эх, за что ж ты меня так, Зона-матушка! Ну, ничего...

Он повернул голову и увидел метрах в ста, за низкими строениями, слабо светящийся контур. Это было похоже на перевернутый, падающий вверх водопад, только из воздуха.

«Ага, – подумал сталкер, – это я в “трамплин” угодил, потому и не разбился в лепешку. Надо же, повезло!»

Впрочем, с везением дело обстояло совсем не так, как хотелось бы.

Руки шевелились, шея ворочалась, глаза видели, уши слышали, вот только ног он не чувствовал, хотя ноги были на месте. Он видел свои ступни, обутые в могучие берцы. Почти новые берцы, форсистые, сбереженные для Большой Земли. Надо же, берцам хоть бы что, да уж! Сталкер перевернулся на живот и пополз, упираясь руками в растрескавшийся бетон к темневшему неподалеку низкому строению, бункеру или гаражу, в темноте он не мог разобрать, что это такое. Чисто инстинктивно он стремился забиться в какой-нибудь угол, чтобы спрятаться там от Зоны, пока не придет в себя. Только вот в Зоне от Зоны спрятаться некуда, и он это хорошо понимал.

– Живой, – снова прохрипел он, потом хмыкнул и добавил, констатируя: – Но, похоже, ненадолго.

Потом он подумал, что в гараже за полуоткрытой стальной дверью непременно находится схрон. Да, да, там обязательно должен быть схрон с оружием, едой и аптечкой. Теперь сталкер был в этом совершенно уверен. Он даже ощутил под пальцами отполированное цевье видавшего виды «калаша», нетерпеливо зарычал и изо всех сил, упираясь локтями, словно нетопырь, пополз к черному зеву входа. Еще там должны быть патроны, много патронов, потому что без патронов в Зоне не выжить. Хана в Зоне без патронов! Он перевалился через невысокий железный порог, едва не сорвавшись в смотровую яму – это все-таки оказался гараж, – и перекатился в угол. Схрон должен быть там, в этом углу. Но схрона не было ни в этом углу и ни в каком другом. Он принялся шарить вокруг себя, но под руку не попалось ничего похожего на оружие, и тогда он заплакал зло и горько, не смаргивая слезы, хрипло матерясь и скрипя зубами, потому что Зона его обманула. Сука этакая! Он был готов умереть, но только не таким вот, беспомощным куском мяса для слепых псов, бурдюком крови для кровососа, это было неправильно, это было подло... Наконец Зона смилостивилась над ним и позволила потерять сознание.

Берет очнулся на рассвете. Над ним кто-то склонился. Сталкер с трудом сфокусировал взгляд и узнал Звонаря.

Он не удивился, чему тут удивляться, Звонарь мертвый и он тоже мертвый, так что удивляться особенно нечему. Он хотел было поздороваться со Звонарем, хотя странно желать здоровья мертвому, но Звонарь приложил палец к губам, и Берет понял, что здороваться не обязательно, а то, что Звонарь оказался рядом, – это хорошо, это правильно.

Потом он снова потерял сознание и на этот раз очнулся не скоро.

Он пришел в себя на каком-то полустанке.

Берет лежал, привалившись к облупленной стенке железнодорожного вокзала снаружи, неподалеку от низкой асфальтированной платформы. Над ним возвышались трое, он не сразу сообразил, что это военный патруль. Лейтенант, совсем молоденький, с пистолетом в кобуре, и двое щуплых солдатиков, вооруженных штык-ножами в пластиковых ножнах поносного цвета. В общем, никакой бравоности в военных не наблюдалось. Почему-то именно поэтому сталкер сразу понял, что он уже не в Зоне, что каким-то невероятным образом выбрался за периметр и теперь на Большой Земле. А как он здесь оказался – это дело десятое, в конце концов. Отпустила Зона, вот и все объяснение.

Бабки с эмалированными ведрами, от которых поднимался вкусный парок, ждали проходящего поезда, чтобы продать свою немудрящую снедь, вареную картошку, пирожки с капустой и еще невесть с чем, бутылку самогона – все копеечка к пенсии!

– Бомж, – сморщился лопухий солдатик в застиранной гимнастерке. – Воняет-то как! Пусть с ним полиция разбирается, это их клиент.

– Разговорчики. Ну-ка, Кривчук, проверь у него документы, – сердито приказал лейтенант. – У него сталкерский комбинезон, может, все-таки он из Зоны.

Лопухий, морщась и отворачиваясь, нехотя полез Берету за пазуху и двумя пальцами вытащил полиэтиленовый пакет с документами. Лейтенант брезгливо извлек из пакета бумаги, отошел в сторонку и принялся их внимательно изучать.

– Надо же, – наконец сказал он, – боевой офицер, капитан, отставник. Москвич... Что же ты, братец, так опустил-ся-то. И где твои костыли? Пропил или украли? Что же с тобой теперь делать?

– А если он все-таки из Зоны, – начал было лопухий, – тогда доложить следует...

– А мне по... – решительно сказал лейтенант. – На нем ведь не написано, что он из Зоны, документы у него в порядке, а больше нас ничего не касается. И ничего такого у него нет. Ни оружия, ни этих... артефактов. Документы вот имеются, в порядке документы, что характерно, а больше ничего. Никаких признаков, что он оттуда. Тем более что Зона где? Правильно, на Украине, а мы где? Правильно, на территории Российской Федерации.

Он снова задумался, потом повернулся ко второму солдату, тощему, с цыплячьей шеей, знобко торчащей из камуфляжной куртки, и сказал:

– Вот что, Остапенко, раздобудь-ка товарищу капитану костыли, быстро. Одна нога здесь, другая там. А ты, Кривчук, сбегай купи еды какой-нибудь, вон хоть картошки у Петровны. Через полчаса электричка, посадим, и пусть уматывает отсюда. Авось доберется до своей Москвы, может, у него там кто-нибудь из родни остался, глядишь, и помогут инвалиду. Хотя сомневаюсь...

Лейтенант достал бумажник и протянул солдату сотню. Потом вздохнул, достал еще сотню и сунул ее сталкеру.

– Больше не могу, сам понимаешь, – вздохнул он. – Прости, браток. Только сразу не пропивай, лучше поешь чего-нибудь в дороге.

Берет промышчал что-то невнятное, не резон было ему сейчас пускаться в разговоры, ох, не резон.

– Да где ж я ему достану костыли-то, – начал было солдатик, но лейтенант прервал его.

– Возьми в медсанчасти, – приказал он. – Взаимообразно. Мне что, тебя учить, Остапенко? Выполняй!

Остапенко убежал. Берет наконец пришел в себя и начал что-то соображать. Воняло действительно мерзко. И воняло от него. К ощущению беспомощности прибавилось отвратительное ощущение нечистоты, видимо, он уже давно валялся здесь, на незнакомой железнодорожной станции, и даже странно, что до сих пор никто не обратил на него внимания. Хотя, может быть, и обратили, да побрезговали, кому нужен вонючий бомж в заляпанной

грязью камуфле? Милиции? Хотя, судя по тому, что он услышал, никакой милиции в России больше не существует, а существует какая-то полиция. Но и этой самой младой и незнакомой полиции, судя по всему, он тоже не нужен. Так кому? Разве что таким же вонючим бомжам, только вот что-то ни одного бомжа вокруг не наблюдается, кроме него, разумеется. Похоже, местечко настолько бедное, что бомжам здесь просто нечего делать. Бомжи кучкуются там, где богатые помойки, а здесь даже помойки приличной не сыщешь. Самая богатая помойка в России – это, конечно же, Москва. Так что впереди у него встреча с соплеменниками-бомжами, ну, держись, сталкер!

Он понял, что только что вроде бы пошутил над самим собой, и обрадовался. Раз он еще способен к иронии, значит, не все потеряно. Только бы добраться до дома, до Москвы-столицы, трижды родимой и трижды проклятой. Там он отыщет торговых агентов, тех, что продавали хабар, добытый им в Зоне, у них хранятся его деньги, довольно много денег, он не помнил точно сколько, но твердо знал, что немало. Адреса он не забыл, а уж там он до них и на костылях как-нибудь доберется. С деньгами можно и ноги вылечить, были бы они только, деньги. Комната в коммуналке на Третьей Парковой осталась за ним, соседи платят, деньги он передавал регулярно через тех же агентов-посредников, так что с жильем особых проблем быть не должно. Так что ошибаетесь, граждане-господа, не был сталкер Берет бомжем и не будет. Разве что временно, а это можно и потерпеть. Оставалось только добраться до Москвы, пусть на перекладных, но добраться. А не было еще такого места, куда Берет не мог добраться в любом состоянии. И выбраться тоже. Из Зоны и то выбрался!

Прибежал запыхавшийся Остапенко с костылями. Конопатая рожа его сияла, словно солдатик совершил невесть какой подвиг.

– Вот, – отрапортовал он, – прихватизировал согласно приказу. Ох и орала она, товарищ лейтенант, чуть не оглох, а у меня, между прочим, слух...

– Вставай, капитан, – не обращая внимания на явно неуставной доклад солдата, сказал лейтенант. – Поднимайся давай, скоро твоя электричка. Вот, держи, тебе на дорогу.

И сунул за пазуху сталкеру теплый кулек с вареной картошкой и четвертинку.

– Спасибо, лейтенант. – Берет с трудом поднялся, опираясь на костыли, и сделал шаг. Ноги были нехорошие, не свои, но идти все-таки можно. Не идти – ковылять. «Ковыляй потихонечку...» Забыл, как там дальше... Значит, не все потеряно, не напрочь парализовало, какие-то нервы все-таки работали, передавали импульсы, пусть неправильно, нечетко, но работали...

Сталкер не знал, что будь на его месте обычный человек, хотя бы тот же лейтенант, тому не удалось бы и с места сдвинуться. Зона, искалечившая его, в утешение одарила способностью к регенерации. Слабенькой, не такой, как у истинных чернобыльских тварей, но обычным людям и этого не дано.

– Ладно, чего уж там, – смутился лейтенант. – Хотя не дай бог оказаться на твоём месте... Лучше уж сразу насмерть... Непокойно в стране, капитан, такие вот дела. Не спрашиваю, как ты здесь очутился и зачем, только езжай-ка ты домой, вон твоя электричка подходит. Доберешься до Брянска, а там суток за трое, глядишь, и до Первопрестольной. Остапенко, Кривчук, помогите капитану!

Солдаты ловко подхватили сталкера под руки и вместе с костылями вбросили в тамбур. Берет оперся на костыли, косо шагнул в вагон и рухнул на деревянную скамейку. Электричка дернулась, в ее изношенных потрохах что-то болезненно залязгало, за мутным стеклом поплыл перрон с бабками и названием станции «О. П. Горожанка», какая-то полуразрушенная башня, наверное, водокачка, потом потянулись потемневшие от непогоды хибары, тоскливые стеганки картофельных посадок, и, наконец, полустанок остался позади. Сталкер был в России, каким-то невероятным образом перемахнув через охраняемый периметр Зоны Отчуждения и границу с самостийной Украиной. Смутно вспоминался Звонарь, склонив-

шийся над ним там, в Зоне. Значит, он все-таки не умер, сталкер-музыкант! А даже если умер? Выходит, настоящему сталкеру смерть не помеха! Ай да Звонарь!

«Вот зараза, – подумал, возвращаясь к действительности, сталкер, – теперь и поссать проблема, не говоря уже обо всем остальном. Ну, ничего, придется привыкать...»

Он вытащил зубами пробку, глотнул и заел самогонку еще горячей вареной картошкой. Стало тепло, захотелось спать, и он закрыл глаза. Он возвращался домой, не зная, что несет в себе осколок Зоны Отчуждения, со временем он это поймет, а сейчас он дремал, и ему виделась рыжая чернобыльская ведьма Ночка со своим дельтапланом. «Хорошо бы, чтоб она выжила», – подумал он, потом убедил себя, что рыжая ведьма непременно выжила, и уснул по-настоящему.

Берет. Дорога бедных

Тот не знает России, кто не пересекал ее просторы на электричках или попутных машинах. Кто не ночевал на богом забытых полустанках, согреваясь глотком паленой водки или самогонки, полученной в уплату за вскопанный огород, поленницу наколотых дров или разгруженную фуру, кто не вкладывал персты в ее раны и не отчаивался от бессилия исцелить их.

Электричка дергалась, шипела, как чудовищная грязно-зеленая змея, лязгала чугунными позвонками, останавливаясь у каждого столба, тяжело вздыхала раззявленными тамбурами, заглатывая и выхаркивая пассажиров на перроны провинции. И все-таки поезд выполнял свое предназначение – преодолевал пространства России. И хотя в Брянске пришлось пересаживаться на электричку до Воронежа, казалось, что состав прежний, поезд тот же самый, так же громыхает расхлябанными дверьми, воняет застарелым табачным духом и аммиаком, единый в тысячах ипостасей, российский поезд бедных.

Если у тебя нет ни билета, ни денег, чтобы купить его или хотя бы дать контролерам на лапу, если ты болен или увечен, то одному тебе в дороге придется нелегко. Поэтому найди спутника или пусть он найдет тебя. Двое – это уже ватага, когда надо – осторожная до трусости, когда надо – наглая до дерзости. Вы не станете друзьями, не обменяетесь адресами, когда совместный путь закончится, хотя бы потому, что ни он, ни ты не склонны распространяться о прошлом и загадывать на будущее. Да и постоянных адресов у вас может и не быть. Но пока вы в дороге – вы делитесь последним, вы стоите друг за друга стеной, вы – ватага.

Попутчик был опрятен, коротко стрижен, по-военному подтянут.

– Служил? – спросил он, деловито располагаясь на лавке напротив. Запах, исходивший от сталкера, его, похоже, совершенно не смущал. Типа, такое ли нюхали, и ничего, живы.

Берет кивнул, намереваясь снова уснуть. За грязными стеклами смеркалось, зарядил мелкий дождь, расчерчивая проплывающий пейзаж косыми линиями. Обыкновенный дождь, не кислотный и не радиоактивный. Ну разве что чуть-чуть. Хорошо спится под такой дождь.

– Куда правишь, земляк? – не унимался попутчик.

– В Москву, – неохотно ответил Берет, с трудом выдираясь из теплого сна. Вообще-то он не намеревался сообщать первому встречному, куда и зачем он едет, но вышло как-то само собой.

– А что в Москве?

– Дом, – коротко ответил Берет.

– А я в Североморск, – сообщил попутчик. – Я там прапором служил, пока из армии не поперли.

– Тоже домой? – спросил Берет.

– Ну... вроде того, – неопределенно протянул попутчик. – Может быть, и домой, да... К какой-нибудь разведенке под бок подкачусь, вот тебе и стол, и дом.

Помолчали, попутчик вышел в тамбур покурить, оставил на лавке брезентовый мешок с пожитками – доверие обозначил, стало быть, – потом вернулся и сообщил:

– Я тут прикинул хрен к носу, все равно ведь Москвы не миновать, так что, пока суд да дело, будем держаться вместе, а то в дороге всякое случается, да и ты, браток, уж извини, инвалид. А мы как-никак люди военные, то есть свои. Вдвоем веселей, а потом, тут знаешь какие твари попадают, особенно в ночных поездах!

Берет промолчал. Попутчик был ему, в сущности, не нужен, хотя в чем-то прапор прав, в нынешнем виде сталкер был, мягко говоря, небоеспособен.

– Юра, – представился бывший прапорщик и протянул руку.

Берет замялся, словно вспоминая, как же его зовут, отвык он от человеческого имени, собственное имя вдруг показалось ему чужим, хотя имя как имя, ничего особенного, и пожал протянутую руку.

– Степан, – сказал он.

– Есть будешь? – спросил прапорщик Юра и, не дожидаясь ответа, расстелил извлеченную из вещмешка газету и выложил на нее буханку хлеба и присыпанный крупной солью шмат сала с розовыми прожилками. Потом хитро улыбнулся, запустил руку в мешок и извлек оттуда заткнутую полиэтиленовой пробкой бутылку и пластиковые стаканчики. – За встречу, – пояснил он. – Нам еще часа три пилить до станции, там пересядем, а ночи уже холодные, август на дворе, да и в окна вон как свищет.

Берет не стал отказываться, тем более что картошка давно закончилась, и жрать хотелось до судорог.

– ...Ну, с тобой понятно, ранение есть ранение, тебе хоть пенсию положили. – Прапор, выпив, раскраснелся и стал говорлив, хотя лишнего о себе не рассказывал, больше шутил. – А вот меня выперли, не поверишь, за секс с командирской дочкой! Причем все было по обоюдному согласию, да и командир поначалу был, в общем, не против.

– Как это? – удивился Берет. – Секс, это дело личное, да еще и по обоюдному согласию, и папаша-командир не против. Несовершеннолетняя была дочка, что ли? Или жениться не захотел?

– Совершеннолетняя, и даже более того, – грустно сказал Юра, – да и жениться я не отказывался, потому как дочь командира части, карьера и все такое. А потом, жениться – это ведь не насмерть, то есть, я хотел сказать, не навсегда. Женился, разженился, делов-то! В пирсинге все дело, будь он трижды неладен! И еще в моей впечатлительной натуре. Ну и дура она, конечно, это само собой разумеется. Хотя и генеральская дочка.

– В чем? – спросил Берет. – То есть насчет натуры я понял, а пирсинг-то здесь при чем? Это же такая хрень, которую в губу вставляют или в бровь. Или еще куда-нибудь.

– Вот именно, что «куда-нибудь», – мрачно согласился отставной прапорщик. – Куда только эти дуры его не вставляют! Уснул я, значит, как полагается, отбарабанил девушку и уснул. А ночка была, скажу я тебе, жаркая, да еще какая! Любовь же, сам понимаешь, а качественная любовь вообще дело утомительное. Ты только не думай, что я пошляк какой или циник, я просто реалист и человек действия. Любовь – это, конечно, прежде всего чувства, но чувства, не подкрепленные действием, это, знаешь ли, несерьезно. Ну вот, сплю я, значит, и снится мне, что я где-то в горах, и эти гады лезут со всех сторон, а патронов не осталось. Мне часто всякая гадость снится, я же говорю, чувствительная у меня натура. И память неразборчивая, что надо и что не надо помню. Я вокруг пошарил и нащупал кольцо. Граната. Ф-1 скорее всего, ну, да выбирать не приходится. Ну, я и рванул за кольцо. Ору как резаный: «Спецназ не сдастся!», а рядом кто-то визжит, но это тоже в порядке вещей. Перед смертью кто орет, кто визжит, кто матерится. Всякое бывает...

– И что дальше? – спросил Берет. – Пирсинг-то здесь при чем?

– Пирсинг это и был, – зло сказал прапор. – Эта дурища себе колец понавставляла. В разные, понимаешь, места. Удивить меня хотела, наверное. Вот и удивила. Кольцо-то я с мясом вырвал!

Берет сочувственно помолчал, история была хоть и забавная, но какая-то страшноватая. Особенно если подумать, в какие места продвинутые девушки вставляют себе эти самые кольца. Хорошо, если в пупок... Хотя и в пупок совсем нехорошо получится, если как следует дернуть...

– Да, – наконец сказал он, – дела! А с чего это ты орал про спецназ? Ты же прапорщик, а прапорщики – они больше по хозяйству?

– По-твоему, в спецназе и прапоры не нужны? – обиделся Юра. – Сразу видно, что ты не из наших!

Странный он все-таки был, этот прапорщик Юра.

И тут в вагоне что-то изменилось.

Из тамбура в полупустой вагон ввалилась кучка цыган. Берет недолюбливал эту публику за бесцеремонность и какую-то inferнальную нечистоту, но в принципе относился к ним вполне терпимо, особенно если цыгане к нему не приставали. Вошедшие расположились неряшливой группкой в противоположном конце вагона и загалдели. Их резкие голоса разрушили и без того непрочный вагонный уют. Однако не только Берета раздражали неожиданные попутчики. От приклатненной на вид компании, балующейся картишками в центре вагона, отделился один, низкорослый, весь какой-то перекрученный, опасный, подошел к пожилому, одетому в дорогую кожу цыгану и что-то сказал. Цыган набычился, выпуклые глаза его словно вскипели жидким оловом, урку швырнуло в проход между сиденьями и с силой впечатало в двери. Посыпались стекла, блатной сполз на заплыванный пол вагона, но поднялся, сунул руку за пазуху и потянул оттуда обрез.

Цыган напрягся, кожаная куртка лопнула и повисла ключьями на раздавленных вширь плечах, перекрученного рвануло в обратную сторону, назад, к цыгану.... Нет, не к цыгану, потому что цыганами существ, оскалившихся у дальнего тамбура, назвать уже было нельзя.

«Откуда здесь твари Зоны?» – успел подумать Берет, понимая, что сейчас он безоружен, а значит, сделать ничего не может.

Над ухом раздались резкие хлопки. Прапор стоял в проходе и сажал пулю за пулей в мутанта из видавшего вида ПМ, но никак не мог попасть. Не мог, потому что фальшивый цыган находился совсем не там, где его видел прапор. Пистолет грохнул в последний раз и умолк, высунув ствол, как усталый пес язык.

Берет уперся костылями в пол, махом перелетел через проход, упал, успев схватить валяющийся на полу обрез, сдвинул предохранитель вперед и, лежа на боку, навел его на того, кто казался цыганом. Сталкер в отличие от блатных и прапора видел, как тварь, оставив вместо себя морок, не торопясь плывет к ним. И она, эта тварь, похоже, поняла, что Берет ее видит, почуяла в нем человека Зоны, которому не впервой убивать ей подобных, который не промахнется, запнулась, попятилась и неожиданно исчезла в дальнем тамбуре вместе со своими собратьями. Лязгнула дверь, и свора пропала в сумерках.

В вагоне остро и горько воняло порохом. Блатные, на деле оказавшиеся никакими не блатными, а припозднившимися строителями-шабашниками, подобрали своего товарища, тот ошалело крутил головой и глотал водку из горлышка. Прапор ползал по полу, собирая гильзы и матерясь. Ох, не прост оказался прапор, совсем не прост!

Берет сунул обрез за пазуху, дотянулся до костылей и вернулся на место.

– Наследили, как шпана малолетняя, – сказал прапор, пряча пистолет. Гильзы он завернул в газету и сунул в свой мешок. – Ты это... помалкивай насчет ствола, слышь, служивый! Целее будем.

Один из шабашников, плотный мужик с корявыми натруженными руками, подошел к Берету и спросил:

– Обрез-то, может, вернешь?

– Обойдетесь, – отрезал Берет. – Нельзя вам оружие, еще стрельнете кого, чего доброго.

– Обрез – он ведь тоже денег стоит... – зло сказал мужик, но настаивать не решился – зыркнул исподлобья и пошел к своим.

– Выходим, – сказал прапор, когда электричка стала притормаживать. За окнами стояла августовская темень, только вдалеке, у самого горизонта, мрак прокалывали тоненькие иголки огоньков. – Дождемся следующей электрички, а лучше перекантуемся на полустанке

до утра. Света эти твари побаиваются, хотя по мне, что они, что полиция – одинаково хреново. Но полиции здесь быть не должно, нечего им делать на безлюдном полустанке.

– И много таких тварей на дороге? – спросил Берет.

– Это ты у них спроси, ведь тот, что под цыгана работал, он, похоже, тебя признал. Так ведь сталкер? Сталкер, я сразу понял, только поначалу чего-то засомневался. А теперь вот точно знаю!

Берет промолчал.

– А едут они в Москву, – не унимался прапор, – все вы едете в Москву! И не хотел бы я знать, что вы там собираетесь делать.

– Что, если сталкер, так, значит, уже и не человек? – наконец сказал Берет.

– Может, и человек, не знаю. – Прапор успокоился, помолчал, затягивая горловину мешка, и вскинул свой безразмерный сидор на плечо. – Я тоже, как из армии вышибли, наладился было в сталкеры, да вовремя понял – не мое это. Много ли вас возвращается? Один из сотни? Из тысячи? А с деньгами? Кроме того, я женщин люблю, а в Зоне не до женщин. Да и после, предполагаю, тоже.

Прапор закурил, за окном медленно проплыли огни.

– Ну, пошли, что ли, сталкер.

Двери зашипели и выпустили их на бетонную платформу, в темноте угадывался низкий подлесок, пара фонарей освещала неряшливо сваренные поручни и выкрошенный до ржавой арматуры бетонный пандус, поднимающийся к железнодорожным путям. Воздух тревожно пах близкой осенью и почему-то соляжкой.

– Здесь раньше танковая часть стояла, – пояснил прапор. – Вот под этим фонарём и заночуем, какой ни есть, а все-таки свет.

Берет. Москва-мачеха

Непросто безденежному и безбилетному приезжему, да еще и бомжеватого вида, проникнуть в Москву с парадного входа. На вокзалах и в аэропортах полным-полно полиции, сторожится столица, да только плохо сторожится, скорее напоказ, чем на самом деле. Потому что границы города дырявы и проницаемы для бродяг и авантюристов всех мастей и любого пола. Для искателей денег, красивой и просто другой, не такой серой и безнадежной, как в глубинке, жизни. Так, оболочка чудовищно раздувшейся клетки, уже нездоровой, но еще вполне жизнеспособной, непрístupна для вполне безобидных бактерий, но проницаема для вирусов. Потому что вирусы в отличие от здоровых, но чужих клеток умеют прикидываться своими. День и ночь идут битком набитые потрепанные двухэтажные автобусы европейского производства и сомнительного происхождения со всей федерации, а больше с юго-востока. На фанерных нарах гортанно переговариваются, играют в нарды и тишком покуривают в рукав незваные гости столицы, предвкушающие, что именно им суждено стать будущими хозяевами мегаполиса. Это их дорога, с придорожной восточной кухней и зелеными домиками молелен на остановках. Что выгружают из багажных отсеков раздолбанных «мерседесов» и «автолайнов» на обочинах кольцевой дороги? Кто знает? Может быть, наркотики, может быть, оружие...

А с юго-запада и севера, по железной дороге в Первопрестольную катит другая публика, не сказать, что цивилизованнее, но для России исстари привычная. Это бродяги и бомжи, в основном русские, украинцы и белорусы, славяне из глубинки, безденежные, давно отчаявшиеся быть хозяевами в некогда своей стране и смирившиеся с этим фактом. Еще с северов и прочих неудобных мест едут бывшие зэки, они обычно сватаживаются группой и так добираются до своих малых родин, где их зачастую не очень-то и ждут.

Пусть на центральных вокзалах дежурит полиция, пусть повсюду, где можно, установлены рамки металлоискателей, пусть патрули с собаками рыщут по привокзальным закоулкам, тот, кому надо попасть в город, тот в него попадет. Он просто сойдет на незаметной остановке, там, где, кроме перрона и будки кассирши, ничего нет, ни металлоискателей, ни патрулей с собаками, разве что пара свежее испеченных прыщавых полицейских. Слугам закона, а на деле слугам хозяев всех российских законов и закончиков, нет дела до не очень-то чистых, да еще и нищих приезжих, с которых и взять-то нечего. И сорная человеческая мелочь практически беспрепятственно проникает в бессчетные поры города.

Прапор Юра после случая в ночной электричке сделался неразговорчив и не то чтобы сторонился сталкера, но вот прежней открытости не стало. Видно, наслушался историй о выходах из Зоны Отчуждения, а может, знал нечто этакое. Знал, да помалкивал. Скорее всего все-таки знал, потому что, прощаясь с Беретом, посмотрел как-то по-особенному и сказал:

– Ты вот что, браток, не в обиду будь сказано, постарайся держаться от нормальных людей подальше, а то всякое может быть...

Берет хотел было обидеться, но сдержался, сам чувствовал, что что-то с ним не так, правда, к добру или к худу, пока не разобрался.

– А что?

– Да разное рассказывают... – прапор потер свежесбривший подбородок (брился Юра каждое утро, регулярно, военный человек все-таки) и нехотя добавил: – Плохо вы, сталкеры, на нормальных людей действуете. Поговаривают, обычный человек рядом с выходцем из Зоны превращается в натурального уroda. Хотя, может, врут люди, не знаю... Я вот с тобой трое суток, а со мной пока ничего такого не случилось, хотя, честно говоря, очко все равно играет, и еще как! Ну, будь, сталкер, у тебя своя дорога, а у меня – своя.

Шагнул в проулок между желтовато-белесыми, словно вытертые листы ватмана, панельными девятиэтажками и пропал, сгинул, растворился в московских окраинах. Да уж, непрост был прапор Юра, ох, непрост!

Не так представлял себе сталкер возвращение, совсем не так! Хотя, если разобраться, ничего непоправимого не случилось. Деньги надежно хранятся у доверенных людей, даже пальцами ног уже шевелить получается, спасибо Зоне-матушке, медленно регенерирует сталкерский организм, конечно, но и то хорошо, глядишь, через полгода танцевать можно будет, а с кем – найдется, Москва женщин не прячет. Скорее наоборот.

Хрущевскую пятиэтажку на Третьей Парковой собирались снести, да так и не снесли, хотя кое-что изменилось. На козырьке подъезда круглым глазом шарила вправо-влево видеокамера. Новенькая железная дверь глумливо таращила тускло-блестящими кнопками кодового замка. Берет набрал номер своей квартиры, услышал гудок и приготовился ждать. Долго ждать не пришлось. Дверь пискнула и открылась. Сталкер проковылял к открытой двери в квартиру и, опираясь на костыли, совсем уже собрался рухнуть в свою комнату, но остановился, почувствовав, что в его жилище кто-то есть. Кто-то не то чтобы опасный, но, во всяком случае, не слишком приятный и уж точно неожиданный. Сталкер решительно вытащил обрез, сдвинул предохранитель, толкнул дверь и замер в прихожей.

Человек, сидящий в продавленном кресле, был вызывающе лыс, опереточно-элегантен, даже франтоват и чем-то напоминал конференсье из старого фильма «Кабаре», того самого, с Лайзой Минелли в главной роли. Отутюженный костюм, белая шелковая рубашка с бордовым шелковым же шейным платком, только вот взгляд темных, глубоко посаженных глаз, жесткий до жестокости, никак не гармонировал с фатоватым обликом гостя. Взгляд матерого особиста. Или очень сильного контролера.

– Ну, здравствуйте, Степан Владимирович, – гость чуть привстал и даже вроде бы поклонился. – Долго же вы добирались, господин сталкер Берет, я даже чуть было не закурил от нечего делать, а ведь с таким трудом бросил. Обрез свой благоприобретенный лучше спрячьте, сегодня он вам не понадобится. Да и вообще ненадежная штука, стволы болтаются, предохранитель заедает, эжектор срабатывает через раз, барахло, одним словом, а не оружие. Вы не стесняйтесь, проходите в комнату, присаживайтесь, я уже давно жду, ведь мы же, уважаемый Берет, вас вели с самого начала путешествия. Ловко вы с ложным цыганом управились, да уж, умеете, чего и говорить, я искренне восхищен! Жаль только, что не пристрелили тварь, теперь вот придется гада в Москве вылавливать, ну да ничего, справимся, не впервой.

«Ай да прапор, – в который раз подумал Берет, – вот тебе и Юра из Северодвинска!»

– Чтобы не было неопределенности, – гость привстал и наклонил блестящий, идеально выбритый череп, – представляюсь – Александр Борисович, директор по режиму и кадрам. Да вы, наверное, уже догадались.

– Директор чего? – спросил Берет. – Как называется ваша организация? Или... может быть, контора?

– Пока что для вас я просто директор по кадрам, а здесь я для того, чтобы объяснить вам, в каком положении вы сейчас находитесь, и помочь найти себя в нашем непрестом городе.

– Я вам не баба, чтобы находиться в положении, – угрюмо буркнул Берет.

– Не придирайтесь к словам, – вежливо, но серьезно сказал гость, – тем более что положение у вас, прямо скажем, аховое.

– С чего бы это? – спросил сталкер, понимая, что гость знает, о чем говорит, и сейчас придется услышать нечто крайне неприятное. «Эх, попался бы ты мне в Зоне, когда я был здоров, – начиная злиться, подумал Берет, – мигом бы башку твою пригасил, а то вон как сияет, аж слепит, прямо лампичон какой-то, а не голова. Воском он ее натирает, что ли?»

Почему лампичон, а не просто лампа, Берет объяснить бы не смог, просто слово такое подходящее, с зававкой, как, впрочем, и сам гость.

– Ну, начнем с того, – гость встал, заложил руки за спину, качнулся на носках и вроде бы даже потянулся, словно разминаясь; почему-то это простое движение еще раз обозначило его принадлежность к спецслужбам, – что денег у вас практически нет. Такой вот прискорбный факт. Догадываетесь почему?

– Почему? – растерянно спросил Берет.

Было в Александре Борисовиче что-то, что заставляло его собеседников внимать его речам, не пытаясь возразить или хотя бы прервать, нечто гипнотическое, словом – «этвас».

– А сколько, по-вашему, стоил товар, который, в значительной мере по вашей вине, так и не попал по назначению? – сощурился гость. – Как вы думаете?

– Хабар? – переспросил Берет. – Откуда мне знать, сколько он стоил, я даже не знал, что он был, мешок с хабаром, так что с меня-то какой спрос?

– Товар, – поморщившись, поправил его гость, – мы здесь предпочитаем говорить «товар», а не «хабар». Какой спрос, говорите? Вы летели вместе со Светланой, попали в блуждающий разряд, у вас отказал двигатель, и девушка сбросила контейнер. Из-за вас, между прочим, сбросила, без вашей, извините, туши за спиной она преспокойно добралась бы до базы. Кстати, она и добралась, если вам это интересно. Разумеется, половина суммы будет удержана с пилота, ну а другая половина – с вас. Вам причиталось примерно двести тысяч евро – это ваши личные деньги, потерянный товар стоил не меньше пятисот. Вот и считайте, голубчик. Если быть скрупулезно честными, то вы нам еще и должны, но мы не мелочны... да, не мелочны.

«Значит, Ночка жива, – подумал сталкер, – и то хорошо! А ведь этому лакированному буратине безносому от меня что-то нужно, только вот никак не пойму, когда он врет, когда паясничает, а когда говорит правду. Но мозги он полирует профессионально, видна школа, ничего не скажешь. Впрочем, в моем положении выбирать особенно не приходится. Ладно, пташка моя шипаная, давай пой дальше, а я послушаю».

– Вы мне не верите? – улыбнулся Александр Борисович, вальяжно сверкнув качественной керамикой. – Впрочем, это ваше право, и, между нами говоря, правильно делаете. Но тем не менее я продолжу. Мы, как я уже сказал, не мелочны, более того, мы всячески стараемся помогать сталкерам, попавшим волею судеб, так сказать, в затруднительное положение. Поэтому слушайте меня внимательно, это в ваших же интересах.

– Кто это мы? – спросил Берет. – И много вас?

– На ваш век хватит и еще на пару поколений останется, – парировал гость. – Кто мы, вам пока знать ни к чему, достаточно того, что мы хотим помочь. Разумеется, мы не бескорыстны, но бескорыстной помощи вы бы и не приняли, просто не поверили бы мне, и все тут. Но все-таки давайте ближе к делу.

– Я слушаю, – терпеливо сказал Берет.

– Во-первых, с этой квартиры вам следует съехать, и чем скорее, тем лучше.

– Это еще почему?

– Проживание рядом со сталкерами плохо сказывается на нормальных людях, – пояснил особист. – Настолько плохо, что они превращаются в чудовищ. Вы несете в себе Зону, в этом все дело. Как там пел ваш знаменитый Звонарь? «Зона внутри», так вроде? Так вот, у каждого из вас она внутри, и с этим ничего нельзя поделать. Сейчас я абсолютно честен, да вы и сами это чувствуете, правда?

– Да, – подтвердил сталкер. Он действительно чувствовал, что гость не врет. – Ну и куда мне прикажете деваться?

– Мы предлагаем вам перебраться на новую квартиру, туда, где вы не будете опасны для соседей, потому что соседями будут такие же сталкеры.

– У вас в Москве что, гетто для сталкеров? – изумился Берет. – Да за такие шутки... Он вскинул обрез, но тот сам собой рванулся из руки и улетел в угол.

– Я, как видите, тоже кое-что умею, – самодовольно усмехнулся гость. – Да не нервничайте же вы так, никакое это не гетто, а вполне комфортабельное жилье. Уж точно получше этого... Просто там, где его построили... э... слегка фонит, но ведь сталкеры – народ к радиации привычный. Как говорится, что сталкеру здорово, то рядовому человеку – смерть. Москвичи вообще народ избалованный, да к тому же еще и мнительный, им подавай экологически чистый район. И невдомек убогим, что в столице таких лет уже сто как нет. Кроме того, я предлагаю вам работу, насколько я понимаю, пенсия по инвалидности вам не светит, станете оформлять – возникнут вопросы, где, как, когда... Да и от медицинского обследования я бы на вашем месте постарался бы уклониться. Организм у отдельных сталкеров, насколько я в этом осведомлен, а я, уж поверьте, знаю, что говорю, не совсем человеческий, так что... Вы же не хотите, чтобы вас использовали в качестве подопытного образца, правда?

– Не хочу. И что я должен буду делать? – спросил Берет.

– Ничего для вас нового. Всего-навсего убивать мутантов. – Александр Борисович подошел к книжной полке, задумчиво провел пальцем по пыльным корешкам, достал шелковый, бирюзового цвета платок, старательно вытер руку и добавил: – Не всех, разумеется, а только диких.

– Откуда в Москве мутанты, – изумился Берет, – да еще дикие? А что, еще и цивилизованные бывают?

– Оттуда же, откуда и мы с вами, – вздохнул Александр Борисович. – Мы ведь с вами тоже мутанты, именно те самые, цивилизованные, как вы изволили выразиться. В отличие от диких мутантов мы, цивилизованные, сохранили в себе человека, а вот кое-кто, увы, не сумел. Впрочем, для того, чтобы сохранить в себе человека, надо сначала им стать, а это, извините, дано далеко не каждому. Так что добро пожаловать домой, сталкер!

Берет. Москва, Нижний Шанхай

Сколько в России шанхаев? Нет, Шанхай с прописной – он один и находится вовсе не в России, а там, где ему и положено находиться, за Великой Китайской стеной. А вот маленькие шанхаи, местного значения, в России некогда встречались, если не повсеместно, то довольно-таки часто. Рыбачьи городки на берегах Оки и Волги, построенные из подручных материалов, так и назывались – шанхаи. Общежития при ткацких фабриках в провинциальных городках Владимирщины, битком набитые привезенными из Средней Азии, а то и из Вьетнама гастарбайтерами, – тоже шанхаи. Издавна в российских шанхаях свои законы, свои правда, ложь, справедливость и суд. Так что неудивительно, что несколько домов, построенных на радиоактивном пятне на московской окраине, достойно пополнили список российских шанхаев. Здесь поселились вернувшиеся в большой мир сталкеры. В основном – беднота, у тех, кто побогаче, в Подмосковье существовал свой шанхай – аккуратный и солидный, без аляповатых архитектурных и прочих излишеств коттеджный поселок со шлагбаумом, забором и охраной. Благоустроенный шанхай для успешных выходцев из Зоны, назывался Верхний Шанхай, а для остальных, соответственно, Нижний, иногда его называли Веселый Шанхай, временами там действительно бывало весело, хотя далеко не всем. Само собой, охранниками в домах Верхнего Шанхая служили бывшие сталкеры, проживающие в Нижнем Шанхае, только вот с прислугой имелись некоторые проблемы – хреновые из сталкеров получают лакеи, даже из самых растяпистых неудачников. Впрочем, самые неудачливые так и остались там, в Зоне Отчуждения.

Нижнему Шанхаю, само собой, прислуга не требовалась.

Конечно же, бывший сталкер Берет, а теперь гражданин Российской Федерации Степан Владимирович Балмасов, поселился в Нижнем Шанхае. А куда деваться?

Со старой квартиры Степан забрал только книги, старенькую гитару да раскладушку с ветхим бельцом, собственно, никаких других вещей у него и не было. Ну, еще добытый в электричке разболтанный обрез ижевской двустволки двенадцатого калибра. С обрезом сталкер решил не расставаться, пусть и дрянное – но все-таки оружие. Не привык он так – без ничего, без денег – еще куда ни шло, а вот без ствола – совершенный душевный дискомфорт.

Ко многому надо было привыкать. К тому, что зовут тебя теперь не Берет, а Степан, что денег нет, и неизвестно, когда они появятся, а передвигаться по-прежнему приходится на костылях, плохо регенерирует поврежденный позвоночник, ох, плохо. И к врачам не пойдешь, нет здесь Болотного Доктора, здесь все платное, так что приходится уповать на разбуженные Зоной резервы организма – больше не на что. Работы скорее всего в обозримом будущем не предвидится – какой сейчас из него охотник на мутантов, тем более диких! Продать нечего, комната на Парковой ушла в обмен на эту вот квартиру, да еще, поди, и должен остался этой самой не то конторе, не то организации – один черт! Сталкер посидел на кухне, покурил, послушал, как на два голоса урчат пустой холодильник и желудок... Во двор выбраться, что ли, может, знакомые встретятся, здесь ведь много бывших сталкеров, авось если не помогут, то хотя бы подскажут что и как. Уж нальют-то точно, с этим во дворах спальных районов просто. Поразмыслив, Степан понял, что во двор ему не хочется, так же как и встречаться с местными люмпенами. И выпивать тоже не хочется, поэтому сталкер бросил на раскладушку ветхий до прозрачности плед, разделся и рухнул в сон. Львы в эту ночь ему уж точно не снились...

А на следующее утро после переезда в дверь длинно и нахально позвонили. Потом, даже не дождавшись реакции на звонок, грохнули от души – не то кулаком, не то копытом. Нагло грохнули и вызывающе. Степан от неожиданности пролил на трусы пустой кипя-

ток, мгновенно озверел, матюгнулся, клацнул вычищенным трофейным обрезом и на одном костыле скакнул к двери.

– Эй, сталкер, принимай гостя, – гулко раздалось с лестничной клетки, – с приветом от Александра Борисовича. Слышь, ты, псих черныбыльский, положи ствол и не дури, в Москве, конечно, маньяк на маньяке сидит и маньяком погоняет, но для насилия ты нынче конфигурацией не вышел. Давай открывай!

Берет плюнул на осторожность и открыл.

Через порог шагнул грузный детина в необмятой песочного цвета камуфле, с мордой, испятнанной звездчатыми шрамами. Камуфля была изначально предназначена для пустыни и смотрелась странно, хотя и внушительно, а вот обширная морда была знакомой и смотрелась поганно. Трудно забыть лицо человека, которого ты собирался убить, даже если это морда. Да вот беда, «Винторез» тогда некстати заело, перегрелся, наверное. И остался везучий бандюк со смешным погонялом Карапет жить. Хотя не было тогда у Карапета таких приметных шрамов, этими украшениями он обзавелся уже после, когда сдуру морду свою карапетскую сунул в жгучий пух. Какой-то шутник убедил салагу-бандюка, что жгучий пух способствует росту усов и бороды, с которыми у юного тогда еще Карапета дело обстояло неважно. «Пух – и готово!», как говаривал прапор Юра, который, наверное, вовсе и не прапор, а может быть, даже и не Юра, а скорее всего шестерка-шестеренка в безымянной организации или конторе, мать их за ногу обеих! Впрочем, с шутником Карапет поступил соответственно: «пух – и готово», чем несколько реабилитировался в глазах братвы.

– Ну, чего вылупился? – вполне дружелюбно спросил заматеревший Карапет. – Не признал, что ли? А я вот тебя сразу узнал, морпех гребаный! Как ты меня, пацана еще, на свалке выщеливал, сука полосатая, разве такое забудешь? Да только это дела прошлые, шибко памятливые в нашей компании долго не задерживаются, вот я и позабыл все. Веришь, мне велели, я и позабыл. И тебе советую память свою шаловливую приструнить, понял?

Не дожидаясь приглашения, громила протопал мимо сталкера в комнату, презрительно скривился, увидев продавленную раскладушку, и брезгливо опустил задницу на табуретку. Прямо-таки граф недостреленный! Берет, как был в трусах, стоял в проходе, не зная, что делать. Врезать от души по морде или, как советовал бандюк, «приструнить шаловливую память» и принять ситуацию такой, какая она есть.

Между тем Карапет снова повернулся к сталкеру, оглядел его внимательно, хмыкнул и сообщил:

– Что-то ты, инвалид криминального труда, хреноватенько выглядишь! Хотя не сказать, чтобы это меня сильно расстраивало.

– Ты, Карапет, меня с собой не ровняй, какой криминальный... – начал было Берет, но осекся, потому что прав был посеченный пухом бандюк, ох, как он был прав!

– Дошло? – весело оскалился Карапет. – Дотумкал наконец! Какие же вы тормозные все-таки, сталкеры-фраера, ни хрена фишку не сечете! Здесь, в Москве, что бандюк, что «свободный», что «должанин» – один хер! Все под статьей, и, что характерно, под одной и той же. Так что сиди себе и не питюкай, сталкер! И благодари Борисыча, что тебя прикрыл, а то словили бы тебя, родимого, – и в спецприемник, а потом куда и похуже. Туда, где умники в белых халатах нашего брата сталкера по винтику раскурочивают, все хотят понять, что такое особенное с нами Зона учудила. Только вот не слыхал я, чтобы хоть кого-то обратно собрать сумели, потому что ни один сталкер еще оттудова не вернулся. Все сгнули. Почище, чем в Зоне. И вот еще что, ты Карапетом меня больше не зови, слышь, сталкер, не принято это здесь. Я теперь Василий, а по батюшке – Станиславович. Понял?

– Понял, – сказал Берет. – Ишь ты, Станиславович! Точно, граф черныбыльский, Зоной недокрученный. Ну, Василий, ты даешь! А кто словил бы, интересно знать? Кому я здесь, в Москве, нужен?

– Мало ли кому, – неопределенно протянул Василий-Карапет. – Ну, хотя бы умникам-мастдайнам⁴ из Покрова или Лыткарино. Такая вот хрень получается, никто тебя здесь не любит, зато многие хочут. «Еврибади, мать его, лавс май боди, энд ноубади лавс ту ми», как справедливо заметил один всемирно знаменитый пидор.

– Тебя прямо цитировать можно, – искренне восхитился Берет, – вон как красиво излагаешь.

– А то! – Иронии Карапет не понимал ровно до тех пор, пока она не становилась полноценным оскорблением. Оторвав зад от табуретки и лихо развернувшись, как танк на генеральском показе, бывший бандюк самодовольно хмыкнул и потопал на кухню, не то что-то искал, не то просто любопытствовал. Степан ему не препятствовал, пусть себе... Похоже, в нынешней иерархии Карапет-Василий стоял повыше калеки Берета. Приходилось терпеть.

– Бедновато живешь, сталкер, – удовлетворенно констатировал гость, снова воздвигнувшись в дверном проеме. – У тебя ни присесть, ни прилечь, койки путной и той нет, на раскладухе продавленной спишь, как сямка какая-нито. Холодильник на кухне, правда, имеется, но, опять же, пустой. Стол и пара табуреток, еще стиральная машина, только вот стирать нечего, правильно говорю? И как ты сюда баб водить собираешься, ума не приложу! Ну, ничего, это поправимо. Борисычу спасибо скажи, золото, а не человек, даром что лысый, как лунная поляна. Он тебе кое-какой шамовки приказал прикупить, средство передвижения, шмотье, типа, спецуху, ну и вольну, разумеется, приличную. Ща, я быстро, ты дверь-то не закрывай, здесь покамест чужие не ходят.

И потопал из квартиры.

Берет доковылял до окна и увидел здоровенный джип незнакомой марки. Карапет подошел к машине, по-хозяйски хлопнул по крылу, постоял, словно размышляя, помочиться на колесо или потерпеть, потом открыл чудовищного вида багажник и выкатил оттуда инвалидную коляску, забитую пакетами и пакетиками. Гулко захлопнул багажник, достал с заднего сиденья продолговатый сверток, сунул его за пазуху и двинулся в подъезд, толкая перед собой коляску. Через минуту он с шумом втокнул коляску в незапертую дверь. Дверь лязгнула, вставая на защелку, в прихожей зашуршало, и Карапет наконец появился в комнате, отягощенный яркими пакетами.

– Жрать, пить и потренировать, – объявил он, весьма довольный собой. – Ну-ка, сталкер, убирай свою раскладушку, а то и поляну путную раскинуть негде. Тесновато у тебя тут.

И вывалил покупки на прямо на пол.

– В общем, поручили тебя проинструктировать насчет работы, ну и всего остального, – важно сообщил Карапет, раскладывая буженину на пластиковые тарелки. – Ты давай, не сиди, как неродной, банкуй, вона стаканы одноразовые, я купил, как знал, что у тебя голяк. Выьем по глотку, закусим да потолкуем, друже, как старые кореша. Ведь мы с тобой, почитай, подельники, а теперь и вовсе, как это... коллеги, да. Я коллега, а ты калека!

Карапет покрутил головой, явно восхищаясь собственным остроумием, и радостно заржал.

Берет молча разлил виски по пластиковым стаканчикам и приготовился слушать. Бандюк опрокинул стакан, с наслаждением прополоскал вискарем рот, глотнул, зажрал ломтем буженины, шумно прожевал и начал инструктаж:

– В общем, тут инструктировать-то особенно нечего. Вот это – инвалидная коляска с моторчиком, работает от вечных батареек, так что на ней, на этой коляске, можно в принципе и до Парижа доехать, только не советую, все равно не доедешь, поймаем. Твоя задача кататься по метро и валить диких мутантов. Повторяю для лохов – диких, остальных не трогать.

---

⁴ Имеются в виду сотрудники научно-исследовательских центров в Покрове и Лыткарине.

– А как их отличить, диких? – спросил Берет.

– Не бойсь, не перепутаешь, – ответил Карапет. – Тебя Борисыч, покамест вы с ним беседовали, прощупал на предмет способностей, их у тебя, как выяснилось, до хрена и больше, я даже тебе малость завидую.

– Это как он меня прощупал? – удивился сталкер. – У него что, аппаратура специальная с собой была?

– Аппаратура – это у головоногих, – презрительно махнул рукой Карапет. – У этих, которые в Лыткарино и прочих шарашках. А нашему Борисычу никакая аппаратура не требуется, он сам себе аппаратура. Знал бы ты, как его в Зоне звали...

Тут Карапет поперхнулся, замолчал и принялся усиленно жрать. Видно, рановато было еще Берету знать, как звали Борисыча в Зоне, а может быть, и вовсе не положено.

– Ну вот, – сыто отдуваясь, продолжал бандюк. – Значит, диких мутантов определишь, завалишь, окружающих лохов тормознешь, чтобы они не сразу врубались, что происходит. Потом берешь финкарь и вырезаешь у мутантов железы и прочую ценную муйню.

– Как это, «тормознешь»? – удивился Берет. – Я ничего такого не умею. И что за железы, какая еще муйня?

– Умеешь, – успокоил его Карапет, – еще как умеешь. Только сам об этом не знаешь, а припрет – так сразу научишься. А железы – это у кого где, у кого рядом с яйцами, у кого за ушами, но ты способный, ты в процессе просечешь. Кстати, вот книженция, изучи, там прописано, у кого какие железы или там муйня и как их доставать. Ну, как – это понятно, ножом вырежешь, нож я тебе привез. «Катран», редкость, цени заботу. Хороший, кстати, нож, у нас на зоне, правда, один мастерюга и получше делал, только давно это было...

Берет понял, что «на зоне» и «в Зоне» – понятия разные, как географически, так и социально. Впрочем, такие ли разные? И тут, и там – зоны отчуждения...

– Теперь оружие, – оживился Карапет. – Вот, держи!

На стол лег укороченный, почти обрез, дробовик «Ремингтон» двенадцатого калибра⁵, несколько коробок с патронами и нож в кожаных ножнах.

– Вообще-то эту штуку америкосы придумали для копов, чтобы двери вышибать во всякие наркопритоны, но и мозги она выбьет за милую душу. В общем, будешь канать под покалеченного сталкера, – заключил бандюк. – Самое оно, с твоими ногами инвалидом и прикидываться не надо, все натуральное, как сиськи у поварихи Маруси. – Карапет гыгыкнул. – А когда начнешь ходить – Борисыч сказал, что через пару месяцев, – тогда подыщем тебе работенку посерьезней. Если жив останешься, конечно. В общем, с утра я за тобой заезжаю на тачиле и везу до метро, как фон-барона какого. А вечером, точнее, ночью, когда метро закроется, забираю и везу сюда. Вот мобила, позвонишь, откуда тебя забрать, заранее позвонишь, в Москве пробки, могу не успеть, да и не один ты у меня. Хабар сдавать мне, зажилишь – изувечу так, что всю оставшуюся жизнь полноценным инвалидом работать будешь. Понял?

– Чего тут не понять, – сказал Берет, – все яснее ясного, спускаешься в метро, находишь дикого мутанта, вышибаешь ему двери, а заодно и мозги, ежели таковые имеются, отводишь пассажирам и прочим цивилизованным мутантам глаза, чтобы они не видели всего этого безобразия, потом открываешь книжку, выясняешь, что у дохлого мутанта нужно отрезать, уши или яйца, отрезаешь и сматываешься. Всего и делов-то!

– Я знал, что ты пацан толковый, – довольно кивнул Карапет. Иронии он, как обычно, не почувал, а может, и почувал, только вида не подал. Так даже смешнее. – Ну, бывай, сталкер, вискарь я тебе оставляю, мне не жалко. Да... чуть не забыл, вот тебе аванец.

И положил на стол тонкую пачку, перетянутую резинкой.

---

⁵ Remington 870MCS. Предназначен в том числе и для выбивания дверей.

– В долларах, цени, сталкер. В общем, завтра в девять начинается твоя трудовая жизнь.
Держай с умом, и будет тебе счастье.
Ржанул напоследок и ушел.

Берет. Ночной перегон

Вагон мотало на стыках. Поздний поезд, не последний, так, наверное, предпоследний. Москва, метро... Колеса больше не отстукивают «Ночь на Бродвее», не современно, и вообще у нынешнего метро аритмия. Никто не слушает музыку дороги, никому нет дела до ритмов тоннелей и станций. В двадцать первом веке у каждого своя музыка, она звучит в заткнутых наушниками плееров ушах московских бройлеров – а как еще назвать этих перекормленных, словно вечно что-то переваривающих существ? Бройлеры, да и только! И по сторонам они не смотрят, зачем смотреть на людей, когда под носом плоский экран очередного модного гаджета? Люди по сравнению с айфоном – полный отстой, а уж против айпода и вовсе существа почти мнимые, оболочки бездушные, а душа – она там, в сети, там можно прикинуться кем угодно, а можно и быть самим собой. Настоящим. Все равно никто не берет, какой ты, да и не важно это. Свобода в паутине... Абсурд, если вникнуть, да только некому вникать...

Первый час ночи в метро – время одиночек, изгоев дня. Истинные хозяева московских ночей в метро не спускаются, у них свои подземелья, пещеры, налитые до краев кислотным светом и кислотной же музыкой. И пусть их свет – всего лишь разновидность тьмы, но другого им и не надо.

Подземка – для жителей отстающих стран.

Усталые, стертые дневными заботами люди дремлют на сиденьях. Не стоит беспокоиться, никто из них не проспит свою станцию, у них инстинкт, они встанут, так толком и не проснувшись, и побредут к выходам, тыча пальцами в сенсорные экраны, сгинут с глаз, чтобы раствориться в спальных районах мегаполиса.

Пассажиры ночного метро – кто они? Работники умирающего дня, продавщицы, возвращающиеся домой после смены, мужчины и женщины, неинтересные друг другу, пустые, словно после бурной, но безлюбой любви. Город влюбил их за день, за вечер, они полуживыми доберутся до своих нор, чтобы выспаться, чтобы быть готовыми на другой день все повторить. Каждый из них когда-то ждал, что вдруг произойдет нечто удивительное, и жизнь наконец-то начнется, но ничего не произошло, не началось, и они научились получать удовольствие от того, что есть, уподобившись своей музыке, состоящей из бесконечно повторяющихся одинаковых фраз. А души их давным-давно переселились во всемирную паутину. Или не души? Кто знает...

И поезд ночного метро застегивает сутки, словно бегунок на молнии пробегает по черному мешку с безымянным трупом дня.

По вагону медленно ехала инвалидная коляска. Сталкер. Скорее всего нищий. Последнее время их много появилось в Москве. Когда-то в метро побирались ветераны Афганистана, настоящие и фальшивые. Фальшивые выглядели убедительней, им подавали больше. Потом – ветераны кавказских войн. Тех самых, которых как будто не было, так что непонятно, откуда в Москве взялось столько калек. А теперь вот – сталкеры. Их здесь вообще никто не ждал, неизвестно, какую заразу они притащили из проклятой Зоны Отчуждения, неизвестно, что им понадобилось в столице и почему они не остались там, на берегу Припяти?

Не все вернувшиеся из Зоны Отчуждения нищие, и, на первый взгляд, не все калеки. Но не нищие не ездят в метро, их не видно, они не любят московского подземного люда, но так или иначе – они другие, потому что каждый из них несет в себе осколок Зоны Отчуждения. Кто-то это понял, кому-то еще предстоит понять...

Сначала в Москву попали артефакты, Зона только слегка прикоснулась к мегаполису, изменения были незаметны и неощутимы. В столице и вокруг нее возникли институты, зани-

мающиеся изучением Зоны, и Зоны в городе чуть-чуть прибавилось. Потом в Москву пришли сталкеры, и Зоной в столице запахло сильнее. И наконец, Москва вознамерилась управлять Зоной через новые и уже существующие силовые структуры – какая самонадеянность! И недалеко время, когда Зона Отчуждения, получив московскую регистрацию, примется переиначивать город под себя так, что в конце концов непонятно станет, что чем управляет.

Но что за дело поздним пассажирам метро до этих проблем? Они о них ничего не знают и знать не хотят.

Сталкер в своей коляске двигался почти бесшумно, механизм работал от вечных батареек, тех самых, которые отыскать можно только в Чернобыле. Вот он добрался до последнего вагона – крепколицый сорокалетний мужчина с жесткими руками, аккуратно выбритый, в опрятном комбинезоне защитного цвета под плащ-накидкой и черном берете на полуседой голове. Если он и собирал милостыню, то не в этом вагоне, возможно, он считал свой рабочий день законченным, а может, и вовсе не был нищим. Во всяком случае, сейчас он ни у кого ничего не просил.

Последний вагон был практически пуст. На сиденье устало, без энтузиазма обжимались какие-то парочки, напротив кемарил пьяный, на полу, непристойно пузырясь желтым, перекатывалась полупустая пивная бутылка.

В дальнем конце вагона кучей грязного тряпья спал бомж. Казалось, кроме него, там никого не было, но сталкер видел другое. Он подкатил поближе, и бомж забеспокоился и неожиданно стал превращаться в нечто жуткое, не имеющее отношения к простой реальности ночного поезда. Рядом с ним обозначились два трупа – парень и девушка, лица их были съедены, словно кислотой.

Желтый насморочный свет мигнул, и время для пассажиров вагона стало тягучим, словно незастывшая эпоксидная смола. Только сталкер и псевдобомж продолжали двигаться так, словно ничего не произошло. Существо – уже не бомж, да и не человек – рванулось к калеке, но у того в руках мгновенно оказался короткий дробовик, грохнул выстрел, и тварь с развороченной картечью мордой рухнула к колесам инвалидной коляски. Сталкер спрятал ствол под плащ-накидку, достал десантный нож и склонился над все еще подергивающимся существом.

– Ну вот, – удовлетворенно сказал он, пряча в маленький термос пару желтоватых склизких комков, – теперь не больно-то регенерируешь, железы я удалил, так что извини, брат-урод, но твоя охота кончилась.

Поезд дернулся, завыл, тормозя перед станцией, двери зашипели и открылись, сталкер выбрался на перрон и неторопливо покотил к эскалатору.

И только когда состав тронулся, время опаматовалось и поймало прежний ритм. В вагоне закричали, но в черном тоннеле некому было слышать крик, и только через минуту кто-то догадался нажать кнопку экстренной связи с машинистом.

Берет. Лыткарино

Нет, это все-таки не Зона. Берет помотал головой, пытаясь избавиться от наваждения. Никакая это не Зона, это Подмосковье, хотя так вот сразу и не поймешь, уж больно похоже на «Агропром». Но по России таких НИИ хоть жопой ешь, и все похожи. Стандартные железобетонные корпуса, только вот трава да кусты вокруг какие-то чудные, вроде бы чуть крупнее и мясистее обычных. И опасностью от них так и разит, хотя не все чувствуют запах опасности, но для сталкера эта способность – первое дело! Здесь, под этими стандартными коробками, в обложенных свинцовыми кирпичами подземельях проводятся испытания на радиацию, а значит, эта самая радиация имеется в достатке. Вон из той высоченной трубы со свистом вылетают нейтроны, а из тех, что пониже, – гамма– да бета-частицы. А окрестные дачники-простодыры радостно недоумевают – и чего это из местной земли все так прет? И наивно думают, что все дело в их трудолюбии, в привозном навозе да патентованных червяках, рыхлителях и аэраторах. Как бы не так! Судя по всему, здесь типичная аномалия с условно положительными свойствами. Почему с положительными? Да потому что прет, вот почему! А почему с «условно»? А кто знает, что еще таится в освинцованной утробе ФГУП «НИИП»⁶? И что из ваших задорого купленных чудо-червячков выросло?

Конечно, насчет нейтронов да червяков – это все шуточки, местный колорит, так сказать. Эх, господа испытатели, насильники над природой в законе, и дошутитесь же вы когда-нибудь! Хотя, похоже, уже дошутились, и какой только недоумок придумал изучать здесь мутантов? А может, вовсе не изучать, а именно получать? Впрочем, глобальные вопросы бывшего сталкера волновали мало, его дело – держать рубеж, дело в общем-то привычное, только диким казалось, что держать рубеж приходится здесь, в каких-то восьми километрах от Московской кольцевой дороги. Да уж, не зря сюда мобилизовали половину мужского населения Нижнего Шанхая, так что какие бы твари ни перли через бетонный забор – удержат, народ привычный, радиацией жженный, каруселями крученный, хотя, что и говорить, прежнюю форму кое-кто потерял, разнежился на столичных харчах. Ну, тогда, значит, судьба!

Их подняли рано. Степан уже вполне уверенно ковылял на своих двоих, хотя до танцев было еще ох как далеко, но костыли, похоже, свое отслужили. Ну, еще бы, полгода прошло, как он вернулся из Зоны Отчуждения, на дворе, глянь-ка, ранняя весна, даже птички какие-то поют, солнышку радуются.

Неожиданно птичье чириканье перекрыл короткий, сразу оборвавшийся рев сигнала общего сбора. Второй, похоже, от первого он и проснулся. Сталкер сполоснул физиономию, быстро оделся, наскоро соскреб щетину и выбрался во двор. Во дворе обнаружили несколько тентованных армейских грузовиков, а по спортплощадке перед неровной шеренгой бывших сталкеров весенним гоголем расхаживал Александр Борисович в защитном костюме, что нисколько не мешало ему выглядеть вполне комильфо. Из ворота расстегнутой бронекуртки виднелась ослепительно-белая рубашка и неизменный, с шиком повязанный бордовый шейный платок. Степан уже знал, как блестящего полковника называли в Зоне – Кощеем его называли, и называли вполне заслуженно. И если уж сам Бессмертный возглавил операцию, то дело обстояло и в самом деле серьезно, вернее сказать – хуже некуда. Да и по полученной снаряге это видно – не ошибешься. На этот раз им выдали защитные костюмы со споротыми лейблами изготовителя, какие-то навороченные шлемы со встроенными устройствами связи и штурмовые автоматы АШ-12 калибра 12,7 с револьверными подствольниками и запасными магазинами. Костюмы скорее всего производились поблизости, где-то здесь, в Подмосковье, на одном из предприятий концерна, директором по режиму и кадрам

---

⁶ «Научно-исследовательский институт приборов» (ФГУП «НИИП»), г. Лыткарино.

в котором работал блестящий особист Александр Борисович, в прошлом – Кощей. Впрочем, Кощей в отставку не выходят, они, как известно, бессмертные и несменяемые. И транспорт подогнали соответствующий – «Волки» с бронированием по шестому классу, с пулеметами «Корд» на турелях. Так что операция, по всей видимости, предстояла нешуточная.

Берет повертел в руках шлем, не зная, что с ним делать. В армии он с такой техникой не сталкивался, не полагались в его времена морским пехотинцам пилотские шлемы, в Зоне тоже такие не встречались, там все было попроще, потом надел и сразу услышал в наушниках знакомый до тошноты голос Карапета:

– Не бзди, сталкер, делай что скажут, а чего не скажут – не делай, здесь вольницы нет, не Дикие Земли. Понял?

Берет покрутил головой, надеясь увидеть бандюка, чтобы приложить того как следует, но комбинезон словно окостенел, сковав руки, потом сталкера ударило током, не то чтобы сильно, но чувствительно. В наушниках радостно ржануло.

– Ну вот, теперь понял. Как говорится, «главное – чтобы костюмчик сидел!». Как тебе обновка, а, сталкер? Погоди, он еще и не такое умеет.

Берет матюгнулся и попытался расстегнуть магнитные застёжки, чтобы избавиться от сволочного костюма, – не получилось. На этот раз шарахнуло так, что иной «электре» впору. Сталкер понял, что до конца операции от подлой одежды не избавиться. Но зуб нарисовал. Здоровенный такой зуб, качественный. На Кощея, потому что на Карапета рисовать зуб было бессмысленно, пристрелить сывку – и все дела.

Похоже, многим из бывших сталкеров такие операции, как сегодняшняя, были не в новинку, потому что народ особенно не суетился. А может, соседи по «шанхаю» только делали вид, что им все нипочем. Берет поймал несколько насмешливых взглядов, но не отреагировал, только проворчал:

– Зря вы со мной так, господа соседи по оружию, со мной надо вежливо, а то ведь я и обидеться могу.

В наушниках крикнуло, потом другой голос, манерный и слегка глумливый – сталкер узнал Кощея, – сообщил:

– Обижаться после будете, господа сталкеры, а сейчас работать.

Мужчины привычно проверили оружие, подогнали амуницию, попрыгали на месте и с матерными шуточками полезли в вездеходы. Через час с небольшим они были уже на месте.

Берет вывалился из десантного люка броневика и устроился в канаве за автобусной остановкой неподалеку от проходных НИИ. В канаве воняло мочой и старым дерьмом, респиратор с фильтром сталкер не надевал, и так жарко, весеннее солнышко припекало, поэтому морщился, но терпел. Дозиметр не верещал, а тихонько тренькал, словно сонный сверчок, ну а остальное – шелуха, не страшно.

«Все-таки, – подумал Берет, – в Зоне было почище, по крайней мере так паскудно не воняло».

Потом вспомнил, как задыхался в респираторе на болотах, и усмехнулся. Вот уже и Зона вспоминается чуть ли не приличным местом, надо же! Значит, постарел сталкер, ох, постарел! И все-таки там, на берегу Припяти, паскудства было определенно меньше.

Покамест ничего особенного не происходило, только на территории института кто-то истошно орал в голос, но был приказ на территорию не соваться, поздно уже, все, что могло там случиться, уже случилось. Поэтому ждали. Вот и ор оборвался, стало совсем тихо, только птички цвенькали. Можно было бы вздремнуть пару минут, только можно – да нельзя, ну да ладно...

За полгода работы сталкер кое-что узнал об организации, по заданию которой отстреливал мутантов в московском метро. Узнал, что существует некий концерн, вроде бы даже легально зарегистрированный, и занимается этот концерн изучением мутантов и прочими

исследованиями, связанными с Зоной Отчуждения. Какими конкретно – неизвестно. Да и не положено рядовому чистильщику – так называлась его должность – это знать. Берет так и не понял, откуда берутся все эти мутанты и почему на его грязную и довольно шумную работу столичная полиция смотрит сквозь пальцы, а в прессе и даже в Интернете об этом ничего, кроме бездоказательных сплетен, не имелось. Видимо, силен был концерт! И кому-то очень нужен. И если их согнали сюда, пообещав солидные премиальные, значит, что-то у головоногих в Лыткарино случилось. Что-то такое, что сталкерское гетто с утра пораньше было построено в ружье, обмундировано, вооружено и спешно брошено затыкать прорыв. Хотя, честно говоря, никакого прорыва мутантов пока не наблюдалось.

– Внимание, – раздалось в шлемофоне, – приготовились. В первую очередь выбивать ведущих, потом остальных. Стрелять только по команде.

За проходными что-то произошло. Берету с его позиции не было видно что, но с ближайших крыш загремело, и очереди ушли куда-то за забор. И тут же словно в ответ над забором стало подниматься что-то, похожее на мыльный пузырь, пойманный шерстяной рукавицей, или на прозрачную каплю ртути. Эта «капля» накатила на бетонную ограду, медленно не то растворила, не то просто всосала ее в себя и неторопливо покатила на сталкеров. Ударили штурмовые автоматы – глухо и в общем-то бесполезно, потому что на «каплю» выстрелы не действовали никак. Позади часто загавкали крупнокалиберные пулеметы, от попаданий по капле шла радужная рябь, а сама «капля» словно бы даже становилась больше.

– Не стрелять без команды, – грохнуло в шлемофоне. – Идиоты, вашу мать!

Стрельба прекратилась, но потом стрелять начали снова, но как-то нерешительно. Потому что разглядели существ, прикрытых «каплей».

Это не были мутанты в привычном для сталкера смысле, то есть по большинству внешних признаков это были обыкновенные люди. Возможно, некоторые из них совсем недавно работали здесь, в НИИ, они так и шли кто в чем. В белых комбинезонах и тапочках на босу ногу, джинсах, вполне цивильных костюмах, нормальные с виду мужчины и женщины. А вот другие от людей отличались. Большеголовые, с раздутыми черепами, закутанные в какую-то окровавленную рванину, они словно катили перед собой «каплю», находясь внутри нее. И по всему было видно, что именно они здесь главные, «ведущие».

Убедившись, что стрельба бесполезна, некоторые бойцы стали откатываться назад, но, видимо, тот, кто рулил всем этим странным боем, не собирался отступать и быстро довел эту мысль до сведения бойцов.

«Ни хера себе костюмчики», – снова подумал Берет, глядя, как корчились на земле его соседи-сталкеры.

Сам он отступать не спешил, он и не выстрелил-то ни разу, чего попусту патроны тратить. Почему-то ему казалось, что тот, кто их сюда пригнал, знает, как поступать в подобной ситуации. И сталкер не ошибся.

Перед проходными появился Кощей. Сверкая лысиной на утреннем весеннем солнышке, особист театрально поправил шейный платок, приподнялся на цыпочки, словно дирижер, собирающийся обрушить на публику всю мощь какого-нибудь Вагнера, и артистично раскинул руки. Сначала ничего не происходило, потом из «капли» потянулось что-то вроде усов, причем «капля» явно сопротивлялась, и концы этих усов прилипли к раскрытым ладоням Кощей. Теперь действия особиста уже не походило на дирижирование, скорее это смахивало на вульгарное перетягивание каната. Субстанция «капли» по раздувшимся, узловатым усам медленно, толчками перетекала на Кощей, обволакивая его со всех сторон. Раздутоголовые с той стороны пытались изо всех сил удержать защиту, но это им не удавалось, Кощей был явно сильнее, хотя и ему приходилось тяжело.

– Одиночными по ведущим, когда они проявятся, – раздалось в шлемофоне. – Бить в головы.

Берет и сам понял, куда надо бить, аккуратно прицелился и выстрелил в мутанта, который был ближе всего. К его удивлению, выстрел нисколько не повредил существу, хотя сталкер был уверен, что попал.

Берет понял, что рано, и стал ждать. Кощей, окутанный субстанцией «капли», стал похож на гигантского богомола в доисторической смоле и тянул, похоже, из последних сил. Наконец голова одного из мутантов выступила из «капли», словно облитая тонкой леденцовой пленкой, и сталкер понял, что означало слово «проявятся». Он снова выстрелил, голова брызнула во все стороны, и «капля» сразу словно похудела. Теперь из сдувшегося радужного овоида торчало уже несколько голов. Снова забухали тяжелые штурмовые винтовки, что-то, а стрелять обитатели Нижнего Шанхая не разучились, и через несколько минут с раздутоголовыми было покончено.

И тут по остальным, по людям, идущим с территории НИИ, зло и слитно ударили пулеметы. Берет не знал, были эти так похожие на людей существа мутантами или нет, по крайней мере его органы чувств воспринимали их именно как человеческих существ, да и умирали они, как обычные гражданские люди, быстро и покорно.

Пулеметы смолкли. В ушах звенело тоскливо и мертво. Берет выбрался из своей канавы и пошел посмотреть, что случилось с Кошеем. Смотреть на то, что осталось от сотрудников НИИ, было страшно.

Лежащее на земле прямо напротив проходных существо не было похоже на человека. Во всяком случае, меньше, чем только что разорванные крупнокалиберными очередями бывшие сотрудники НИИ.

Существо подняло уродливую голову, лицо особиста потеряло четкость и лоснилось, словно обсосанный леденец, и прохрипело:

– Ну что, сталкер, видел?

Берет кивнул, не зная, что сказать.

– Понял что-нибудь?

Берет отрицательно замотал головой.

– Завтра в городе побеседуем, – сказал Кощей. – А сейчас пусть все это...

К проходным подъехала бронемашина. «Водник», машинально отметил сталкер. Из кузова выскочили двое с носилками, на которые уложили Кощея, «Водник» взревел японским дизелем и укатил в сторону Москвы.

Откуда-то возник Карапет и еще пятеро или шестеро, судя по виду, тоже из бывших бандюков, в странно раздутых ртутно-блестящих костюмах, с ранцевыми огнеметами за спиной, и двинулись на территорию прибираться.

Берет. Москва, «Дом у дороги»

Что это за место такое, «Дом у дороги»? А вот есть в Москве такое место. Точнее, было. Место, где играют блюз. Блюз и только блюз, исключение делается редко и разве что для рок-н-ролла, который, как известно, сам по себе является беспутным отпрыском блюза, выбравшимся с равнин Миссисипи в дымные города индустриальной Америки и прикинувшись белым, но не до конца, нет! Конец у него как был, так и остался черным, таким же, как и начало. Пусть этот хамоватый парень и отрастил себе белую ряшку, все равно – внутри он черен! А что делать блюзу в Москве? Что делать ему, привычному к жарким хлопковым плантациям Миссисипи или Луизианы на холодных плоскогорьях и равнинах России, где зимой губы примерзают к гармонике, а? Здесь издавна пели другие песни, ну, например, «Дубинушку». Впрочем, что-то похожее поют и на английском? Разве? А, ну да, вот оно, слышите?

We're going through the tunnel, push, boys, push!
We're going through the tunnel, push, boys, push!
We're saving this old tunnel, push, boys, push!

В общем, эй, дубинушка, ухнем!

Впрочем, это не блюз, это work song⁷, но уже почти тепло. Так почему бы блюзу не прижиться в России-матушке?

...А ведь не прижился же! Ну, играют блюз кое-где, слушает блюз сотня-другая любителей, а настоящего блюза не то что в России, а и в Москве как не было, так и нет. Потому что настоящий блюз – его не только играть, его жить надо, и у каждого свой блюз. Можно мастерски играть композиции великих американских блюзменов, но при этом истинным блюзменом так и не стать. У каждого, понимаешь, чувак, свой разговор с Богом, и чужими словами свою судьбу не расскажешь. И чужой музыкой тоже. Понял, чувак?

Утром Берету позвонил Карапет и сообщил, что Кощей намерен встретиться с ним уже сегодня, в семь вечера, в блюзовом клубе под названием «Дом у дороги».

Вообще-то, проживая в Москве, Степан посещением развлекательных заведений не злоупотреблял, а проще говоря, до сих пор не был ни в одном из них ни разу. Ну, во-первых, ходить он уже научился, а вот с танцами дело пока что обстояло неважно. Берет и в молодости был не ах каким танцором, а в горячих точках и особенно потом, в Зоне Отчуждения, – какие танцы! Разве что с костлявой, но она, эта вечно мертвая стерва, не самая приятная партнерша. Да и с выпивкой бывший сталкер осторожничал, дурное это дело и недешевое, если, конечно, не на лавочке с соседями по двору и не лирическую народную водку «Соловушка». А вот Кощей, оказывается, был не чужд красивой жизни, впрочем, с его замашками это казалось естественным. Хотя в превращении стареющего пижона и щеголя в жуткое существо, способное буквально высосать защиту взбунтовавшихся мутантов, как это случилось в Лыткарино, как раз естественного ничего не было. Впрочем, щеголи и пижоны, как правило, на поверку все как один рано или поздно оказываются чудовищами, спросите матерей-одиночек, уж они-то знают доподлинно.

Идти в пусть блюзовый, но все-таки клуб в привычном камуфляже было неудобно. Да и нервничал Степан, к собственному удивлению, изрядно, боялся показаться смешным в московском кабаке, ну не привык он к кабакам и барам, что делать, не привык. Не успел как-то. Бар «100 рентген» не в счет, там все привычное, и там он был уместен, как патрон в патрон-

---

⁷ Рабочая песня.

нике. Знакомые лица, знакомые песни, да и ассортимент напитков и закусок знакомый, хотя какой там ассортимент – водка «Казачки» да тушенка. А здесь? Он достаточно наглядился на москвичей в метро, и то, как они выглядели, как одевались, да и как вели себя, ему решительно не нравилось. Москвичи казались Берету мутантами, в общем, безобидными до поры до времени, но кто знает, когда наступят эти самые пора да время? Впрочем, сталкер вовремя вспомнил, что мутантом-то является он сам, а вовсе не обитатели чудовищного мегаполиса, но это ничего не меняло. Недолюбливал он нынешних жителей столицы, и все тут. Выцвели лица, вымерли песни...

Впрочем, делать было нечего, если уж Кощей приспичило назначить встречу в кабаке, то выглядеть следовало соответственно. Как и чему соответственно, Берет не имел ни малейшего представления, поэтому решил привлечь к решению этой проблемы какую-нибудь женщину, хотя бы продавщицу или, как теперь их называли, менеджера торгового зала. Желательно, конечно, чтоб эта менеджерка выглядела как-нибудь по-свойски, на этот счет у сталкера имелись совершенно четкие представления, ну, например, как та контрабандистка. Хотя... Берет представил себе киоскершу, у которой он ежедневно покупал сигареты, в летном комбинезоне и очках-консервах, и понял, что его представления о том, как должна одеваться симпатичная женщина, мягко говоря, не совпадают с общепринятыми. Потом представил себе черныбыльскую ведьму в обтягивающих джинсах, на десятисантиметровых каблуках и с серьгой в пупке. Получилось завлекательно, но как-то неубедительно, и почему-то стало неловко. Хотя девок Берет не боялся и не избегал, а вовсе даже наоборот, потому что считал их существами полезными для здоровья, а также психического и гормонального равновесия. Только вот назвать Ночку девкой... Да попробовал бы кто-нибудь!

Вздыхнув, он запихнул в карман камуфляжных штанов пачку денег и отправился в торговый центр. Заниматься жопинг-шопингом, как говаривал Карапет.

Шопинг-жопинг начался и завершился в первом же торговом ряду длиннющего крытого рынка, носящего гордое название «Пассаж». Берет посмотрел на себя в зеркало, тихо матюгнулся, поскольку джинсы оказались какими-то несерьезными. По мнению Берета, джинсы должны стоять сами по себе. Настоящие правильные джинсы, мечта далекой молодости глубокого и нездешнего цвета индиго. Но таковые, как любезно пояснила продавщица, пардон, менеджерка торгового зала, давным-давно вышли из моды.

А может быть, их просто разучились делать? Услужливые производители в угоду изнеженным потомкам трапперов и золотоискателей заменили джутовую основу на что-то неприлично мягкое, понаделали искусственных потертостей и дыр, да и пустили полученного уродца гулять по подиумам двадцать первого века. А старое оборудование отправили на переплавку. И есть джинсы – и нету их. Это вроде как гламурный вокалист взял, да и запел «Brother, Can You Spare A Dime»?⁸ И похоже на блюз – и нет его!

«Я и сам вышел из моды, правда, недавно», – самокритично буркнул сталкер, уцепил пакет с покупками и отправился домой или, как изысканно выражался тот же Карапет, «на фатеру».

«Что-то многовато я словечек от него нацеплял, – подумал Берет. – Ведь и бандюк-то он мелкий, неавторитетный, а надо же, какой заразный! Вот Кощей, тот да, тот везде и всегда будет в авторитете, хотя, на первый взгляд, пижон пижоном».

И вдруг понял, что ни с одним нормальным человеком за все время своего пребывания в столице как-то не встречался. Не сложилось. Словом даже не перекинулся. Ну, разве что вот с этой продавщицей. Сразу стало тоскливо и захотелось куда-нибудь в другое место. Но как ни вспоминал, другого места, кроме Зоны Отчуждения, представить себе не мог. И «Зона внутри» самодовольно ухмыльнулась.

---

⁸ «Браток, не подкинешь ли десять центов?» Песня времен Великой депрессии.

Так что встреча с Кошеем была даже и кстати. Кощей был настоящим, хотя и страшноватым. Может, что-нибудь важное сообщит блестящий полковник-мутант. Ведь не просто же так пригласил, не потому, что ему выпить не с кем... А может быть, именно потому, что не с кем. Не с Карапетом же ему водку пьянствовать, в самом деле!

«Хотя, если разобраться, чем я отличаюсь от того же Карапета? – думал сталкер, пристраивая отремонтированный старенький обрез под джинсовую куртку. – Да в общем-то ничем. А раньше отличался?»

И понял, что отличался, только вот чем именно, так и не смог однозначно сформулировать, плюнул с досады и отправился в «Дом у дороги». Пора было.

Берет спустился в метро, мгновенно, можно сказать, профессионально сортируя людей и четко фиксируя следы нелюдей, отпечатавшиеся в человеческих сознаниях. Эта привычка выработалась сама собой, и избавиться от нее скорее всего уже никогда не удастся. Впрочем, пока ничего опасного не наблюдалось, хотя «тронутые» попадались довольно часто. Впрочем, он давно уже решил для себя, что большинство обитателей столицы мутанты, вот только валить их не полагалось, не тот уровень изменений. Настоящие мутанты были не здесь, настоящие мутанты вели себя правильно. Это было нетрудно, ведь правила устанавливали они сами... Да и вообще не при делах он нынче вечером, у него выходной с соответствующей культурной программой. И слава богу, а то не удержался бы и прикончил какого-нибудь гада. От привычки убивать, пусть даже и гадов, пусть нелюдей, как и от любой другой дурной привычки, очень трудно избавиться. Да и только ли гадов ты убивал, а, сталкер, вспомни-ка? А если и гадов, то тех ли?

Московский весенний вечер глотком крепленого вина скользнул в гортань города, и город поплыл, словно выпускник, впервые выпивший из горлышка. Только что был день, он входил в метро днем, а вышел уже вечером. Впрочем, сказано ведь – в одно и то же метро нельзя войти дважды. И выйти тоже.

У Дома Пашкова неинтересно, как-то слишком уж напоказ целовались вялые парочки. Внезапно между серых колонн упруго мелькнула опасная, зыбкая тень. Кровосос? Хотя откуда бы здесь взяться кровососам? Показалось, наверное, и все-таки... Берет нащупал локтем злой и надежный обрубок дустволки за поясом и напрягся. Да, именно что показалось. Сталкер чертыхнулся и отправился на поиски Староваганьковского переулка. Места были знакомые с детства, только названия улиц и переулков поменялись в угоду политической моде. Переулок обнаружился сразу, стоило свернуть налево с Нового Арбата. Раньше он назывался... Честно говоря, Берет подзабыл, как он раньше назывался, вроде бы улица Энгельса или Маркса, а может быть, и того, и другого вместе.

«Дом у дороги» оказался действительно старым московским домом, чудом уцелевшим в архитектурной паранойе, правившей бал в центре столицы последнюю сотню лет. Кощей сидел за столиком под полосатым навесом, накрывавшим часть московского двора. Был он, как всегда, вызывающе элегантен, начищен, отполирован от черных штиблет до загорелой лысины и настроен позитивно-саркастически.

– Вот, – сказал он, – полюбуйтесь, молодой человек, что творится. Как вам это нравится? Вместо блюза мы имеем Латинскую Америку. Сальсу! Нет, я, разумеется, не против сальсы в каком-нибудь другом месте, но блюз – это святое! Впрочем, нам сальса не помешает, хотя я, признаться, настроился посидеть, послушать старый добрый блюз, вспомнить общих знакомцев. Ведь этот ваш Звонарь был истинным блюзменом, только он не с Богом разговаривал, а с Зоной, и Зона его слушала. Впрочем, вечер следует принимать таким, каков он есть, так что... Что будем заказывать?

Берет промычал что-то неопределенное, еда для него была прежде всего мясо, ну и все остальное, причем остальное было несущественно.

– Понятно, – сказал Кощей. – Значит, как обычно.

Помолчали. Заиграло что-то латиноамериканское, закрутились туда-сюда первые пары, но большинство девчонок обтянули себя джинсами, и это было неправильно. Хотя в латиноамериканских танцах Берет не разбирался совсем, но лажу чувствовал. И сразу стало скучно.

– А у меня для тебя новость, – со светской улыбочкой сообщил особист. – Даже две, и обе хорошие.

– Что за новость? – рассеянно спросил Берет, поглощенный разглядыванием девушек на танцполе. Наконец появились правильные девушки. В юбках. Девушки вертелись, гнулись, взметая и без того короткие юбки, мелькали загорелые бедра, дразня и провоцируя партнеров и публику, но все происходило так быстро, что ничего толком разглядеть не удавалось. Движения тел создавали стремительно меняющийся рисунок танца, но сами тела оказывались вторичны, растворялись в жарко пульсирующем плетении. Это возбуждало, но как-то безадресно и словно бы не взаправду.

– Ну, во-первых, нашелся мешок с хабаром, который вы с пилотом выбросили над Зоной, так что ты нам теперь ничего не должен, разве что жизнь мы тебе спасли, но это мелочь.

– А во-вторых?

– А во-вторых, про охоту на мутантов в метро можешь забыть, в связи, так сказать, с переходом на другую работу. Кстати, тебе перевели подъемные, и довольно приличные.

– Какую еще другую работу? – спросил Берет, поворачиваясь к Кощею. – Если я правильно тебя понял, деньги у меня теперь имеются, так что я вправе выбирать. Так ведь?

– Работа тебе привычная, – спокойно сказал Кощей, – убивать. Только теперь уже не мутировавших бомжей и шлюх, а тварей поопаснее.

– И каких же?

– Сталкеров. – Кощей сообщил это скучным голосом пресытившегося жизнью аристократа. – Да-да, сталкеров! И не рассказывай мне, голубчик, что никогда не убивал сталкеров. Вы там, в Зоне Отчуждения, только тем и занимались, что друг друга убивали, уж мне ли, грешному, не знать! Но успокойся. Ты будешь убивать только тех сталкеров, которых необходимо убить. Потому что они уже не люди.

– Я, пожалуй, все-таки откажусь от вашего лестного предложения, – медленно и даже церемонно сказал Берет. Внутри у него все словно смерзлось, оцепенело, больше всего ему хотелось разрядить обрез в сверкающую, словно покрытую воском, голову Кощея. Нехороший это признак, навязчивые желания, ох, нехороший...

– Попробуй, – усмехнулся Кощей, – попробуй откажись. Не пройдет и месяца, как ты сам превратишься в чудовище. И тогда убивать придут уже тебя. Пойми, парень, от Зоны нельзя излечиться, но помочь тебе остаться человеческим существом мы можем. Мы тебя «держим», контролируем Зону в тебе, если бы не мы, ты бы давно уже превратился в нелюдя, и вопросы человеческой морали волновали бы тебя меньше всего. Знаешь чего бы ты больше всего хотел? Убивать и жрать. И в конце концов так и сдох бы голодным или сытым – всё равно – от чьей-нибудь пули. Только, как ты догадываешься, мы ничего не делаем просто так. Мы – не благотворительная контора, мы совсем другая контора, надеюсь, это ты понял.

– И что от меня требуется? – безнадежно спросил Берет, заранее угадывая ответ. – И какие еще «мы», сколько вас, кто вы такие?

– Убивать, – как-то даже вкусно повторил Кощей, салютуя возвращающимся за столики танцорам бокалом шампанского, – тем более что ничего другого ты толком делать так и не научился. А насчет остального – придет время – узнаешь, я тебе это уже говорил.

И добавил, усмехнувшись снисходительно:

– Если, конечно, будешь себя хорошо вести.

«Ненавижу сальсу, вообще ненавижу, когда передо мной вертят жопами. Ненавижу, когда мной вертят, как жопой», – подумал Берет, наливая себе водки. А где-то на самом краешке сознания, с омерзительным интеллигентским прононсом кто-то до тошноты знакомый злорадно прогнусавил:

– Вот ты и ссучился, сталкер!

Берет. Москва. Пока что человек

Вроде бы не соврал Кощей, не всю правду сказал, конечно, аристократ особистского розлива, но ведь и не соврал. Не были они уже людьми – те, кого приходилось убивать Берету. Во всяком случае, когда понимали, зачем к ним заявился Берет, на людей они похожими быть переставали. Впрочем, сталкер предпочитал действовать так, чтобы они не успели ничего понять. Это было... гигиеничней, что ли... Хотя все, кого приходилось убивать Берету, по службе или в Зоне Отчуждения, так или иначе сначала переставали принадлежать к роду человеческому, а только потом уже умирали. Переставали для Берета, потому что это, если считать противника или жертву существом, подобным себе, человеком, таким же, как ты, непрофессионально. Жертва – никто. Или враг. Но ни в коем случае не человеческое существо. Иначе ты не солдат, а негодяй, извращенец. Так, наверное, каннибалы не думают, что жрут людей, они жрут мясо. Или отдают должное предкам. Впрочем, извращенцы среди солдат тоже встречаются...

Но вот в чем беда, бывшему сталкеру и самому становилось все трудней ощущать себя обычным человеком. Та самая «Зона внутри» понемногу меняла его, оставляя человеческие эмоции почти нетронутыми, и это было самое мучительное. Убийца? Да, убийца, все военные – убийцы; способность и готовность к убийству совершенно незнакомых людей – неременная принадлежность профессии, без нее ты не солдат. Так же, как и без готовности умереть. Берет брезгливо относился к офицерам, которые, попав на войну, с искренним изумлением обнаруживали, что основными составляющими их работы являются убийство и смерть. С убийством они свыкались довольно быстро, а вот со смертью – никак. До самой смерти не верили, а она приходила к ним неминуемо, потому что смерть недолюбливает непрофессионалов, не умеющих умирать как должно. И старается побыстрее с ними разобраться, не стесняясь в средствах. Неправильную профессию ты выбрал, парень, не свою... Тебе бы картошку сажать, помидоры выращивать, в крайнем случае счетоводом работать, крыской офисной, над файлами гнуться да за «опель» кредит выплачивать, а ты сдуру полез в военные. Думал, всю жизнь будешь солдатиков безответных гнобить да девок портить по провинциям страны? Не вышло, парень, и поделом тебе теперь! Рядовые – да, те имеют право не дружить со смертью, потому что их никто не спрашивал, хотят ли они убивать и умирать. Не спрашивал скорее всего потому, что большая часть, конечно же, не хотела. А вот профессионалы – с тех другой спрос. Потому и умирают настоящие профессионалы просто и с толком. Хотя это тоже – когда как...

Теперь Берет регенерировал, помедленней кровососа, конечно, но все-таки достаточно быстро, чтобы не бояться ножа под ребра или пистолетной пули. Научился ненадолго входить в стеллс, умел отключить чужое сознание, на время, конечно, но большинству людей и такое недоступно. И еще многое, наверное, умел, даже не зная пока, что именно.

У него не было нужды в деньгах, через пару дней после разговора с Кощей явился Карапет и принес несколько банковских карточек. Банк был неизвестен Берету, во всяком случае, рекламы его он не видел ни в метро, ни по телевизору, но карточки принимались любым банкоматом.

Карапет поздоровался уважительно, даже с опаской, без привычного нарочитого хамства, что было само по себе непривычно. Признал старшего, стало быть, признал и смирился. Все-таки он был понятливый и даже в чем-то стеснительный, этот бывший бандюк, любитель налитых здоровьем и жаждой родить кустодиевских женщин, разлапистых китайских джибов, суровых с виду и все-таки немного игрушечных, да дешевого виски. Только вот прежний Карапет-раздолбай нравился Берету гораздо больше, чем нынешний. Он и сам себе прежний нравился гораздо больше. С деньгами появились возможности, но куда-то пропали

нормальные человеческие желания, а самое главное – пропало желание желать, пронзительный, никогда не покидавший его до этого времени азарт к жизни. Душа напрочь высохла, словно глотка последнего пьяницы. Да и работа не слишком способствовала.

Работа случалась нечасто и оплачивалась... Сталкер даже не знал, как оплачивалась его работа. Просто после выполнения очередного задания на одну из кредиток поступали деньги, и скорее всего довольно большие суммы. Насколько они были большими, Берет толком не знал. Проверить состояние счета – пустяковое вроде бы действие – он так и не решился. Стыдно было и даже страшно почему-то. Так что он тратил только то, что заработал когда-то в Зоне, сдавая артефакты торгашам, – деньги вернули, скорее всего не без помощи Кощея. Эти деньги почему-то казались ему честными. Видимо, убийство вне войны или, пусть, вне Зоны, хотя бы даже и нелюдей, не было его призванием, а это значило, что и умереть он был не готов.

На этот раз с ним связались ночью. В дверь постучал мятый, весь какой-то вздернутый Карапет. Выглядел бандюк нехорошо, не то перепил прошлым вечером, не то получил вздрючку от начальства, но был он каким-то серым, словно стертый. Был гонец похож на издыхающего слона, и несло от него перегаром и еще чем-то неживым и скверным. Так пахнут больные, да еще дома на снос – безнадегой и отчаянием. Как обычно, он продиктовал адрес и повернулся, чтобы уйти, но неожиданно замешкался у двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.